

Введение в курс синтезирующего реализма

Приходится с сожалением констатировать, что авторитет материализма в наиболее интеллектуально развивающейся части мира в последние столетия оказался существенно подорван. Сегодня это крайне непопулярное учение, откровенно стагнирующее на фоне бурного развития и расцвета целого ряда соперничающих с ним философских доктрин. Причиной тому, очевидно, служит тот факт, что материалистическая мысль в течение указанного периода не смогла своевременно и адекватно отреагировать на ряд вызовов эпохи и потому была закономерно вытеснена на дальнюю обочину развития философии.

Если в XVII-XVIII веках ей активно противостояли теология, теософия и идеализм, то позднее к ним присоединилось несколько разновидностей эмпиризма и скептицизма, которые перенесли «игру» на существенно иное поле. Ситуация весьма существенно усложнилась, что породило серьезное ужесточение требований к учению, с которыми оно не справилось. Одной слепой веры человечества в реальное существование предметов, процессов и полей природы оказалось недостаточно для удержания позиций как в онтологии, так и особенно в науке о познании.

Корни стагнации материализма, по нашему мнению, следует с очевидностью искать в самих основаниях учения: в давно не развивавшихся и не пополнявшихся ключевых принципах и концепциях. Разумеется, материализм все это время не совсем стоял на месте. В частности, сотни исследователей внесли свой посильный вклад в развитие массы немаловажных специальных проблем, даже в условиях идеологически деформированного диалектического материализма. Однако диамат советского периода пытался развиваться, не затрагивая принципиальных основ своего учения, благодаря чему получилось, что все его реальные достижения касаются второстепенных аспектов. Жесткие идеологические установки не позволяли касаться принципиально важных концептуальных вопросов, что и привело в итоге к наблюдаемому генеральному отставанию. Вместо творческого поиска способов решения накопившихся важнейших проблем философам приходилось тратить усилия на совершенствование сомнительных «подпорочных» учений об отражении, о познающем субъекте и практике. Сегодня так и не обнаруженное в природе всеобщее свойство отражения, онтологически «незафиксированный» познающий субъект и пугающая своей квазиобъективностью практика могут занять достойное место в интеллектуальной кунсткамере. Следует признать, что замкнуто-изоляционистский и воинствующе-тенденциозный (партийный) характер развития диамата закономерно завел его по большому счету в догматический тупик. В частности, дискуссии последнего периода его

развития (70-х – 80-х) показали, что он так и не смог преодолеть принципиальной несовместимости даже собственных онтологической и гносеологической концепций.

Особенно много вопросов к сегодняшнему дню накопилось к такой необходимой составляющей материализма, как детерминизм. В свое время он так и не смог решить проблему свободной воли, что нашло отражение в антиномиях Канта. Остался непрояснен причинный и онтологический статус автономных предметов природы, причинная подоплека активности и самоорганизации живых организмов, базис особой частной онтологии человека, ключевой принцип основных приводных механизмов его психики и сознания.

В прошлом столетии серьезно пошатнули устои традиционного детерминизма новые рубежи, взятые современной физикой. Теория относительности и квантовая физика навязали философам свою идеологию абсолютизации наблюдаемых величин и их комплексов в духе эмпиризма и скептицизма, в результате чего философы стали всерьез говорить об искажениях и даже исчезновении детерминизма и реальности «параллельных миров». Материалистическая теория детерминизма здесь откровенно сдала свои позиции, пошла на уступки эмпиризму и скептицизму, допустив запутанно размытые, нестрогие трактовки. Во второй половине XX веке с появлением синергетики обострилось давнее непримиримое противостояние традиционного материализма с телеологией, и философы снова обрушились на детерминизм со справедливой критикой.

К учению, которое не развивается в соответствии с требованиями времени и недостаточно адекватно отвечает на животрепещущие вопросы, в философской среде вполне ожидаемо сложилось скептическое и даже негативное отношение. Характерна в этом отношении позиция К.Поппера, которую можно свести к следующему: если теория детерминизма не допускает существования свободной воли, то к черту этот детерминизм вообще.

Сегодня наконец можно констатировать, что ситуация радикально меняется. Преодолеть указанное вопиющее отставание призвана предлагаемая нами теория *кольцевого детерминизма*, которая актуально дополняет традиционную теорию прямолинейного детерминизма, подтягивает ее до соответствующего эпохе уровня, вооружает ее действенным инструментарием адекватной интерпретации множества наблюдаемых феноменов, величин и понятий.

Расширенный посредством указанного дополнения вариант детерминизма позволяет устранить многие внутренние противоречия в материалистическом учении и делает возможным успешное участие

последнего в решении широкого ряда ранее недоступных задач практически во всех отраслях жизни и знания, в частности, везде, где возникает проблема соотношения и взаимодействия внутренних и внешних факторов. Общие принципы решения таких задач вполне прозрачно вытекают из специально сформулированных *трех законов детерминизма*.

Что касается теории познания, весьма важным для ее успешного развития является также утверждаемый нами принцип *многогранного монизма*. Вместе с детально разработанной *теорией контакта* он образует эффективную базу для углубленного изучения познавательной активности человека.

Также существенное организующее значение для теории познания и других философских дисциплин имеет особо декларируемый методологический *принцип материального основания*, который побуждает искать единую реальную основу, точку или платформу для сопоставления разноплановых актуальных величин, понятий и категорий. Перед любым актом философского сопоставления вещи разной природы должны быть предварительно сведены к некоему общему материальному знаменателю. Например, *желание* обогатиться одного человека и *содержимое* портмоне другого весьма непросто сопоставить напрямую, они могут быть конструктивно сопоставлены лишь в случае сведения ситуации к акту материального взаимодействия двух их хозяев-носителей в качестве физических тел, людей, социальных единиц. Отталкиваясь от найденных материальных оснований, уже нетрудно определять проекции соответствующих атрибутов и свойств в интересующих специальных областях знания.

Данный принцип упрощает и конкретизирует любую ситуацию сопоставления и противопоставления философских понятий, величин и категорий. В то же время он выдвигает требование корректности, которое подразумевает отказ от сопоставления вещей, заведомо не могущих иметь общего материального основания.

Обновление научного материализма за счет использования указанного нового инструментария, как выясняется, способно обеспечить не только успешное решение целого ряда принципиальных мировоззренческих проблем и повышение конкурентоспособности на рынке философских учений. Отыскание материальных оснований под каждым явлением, понятием, ситуацией в пределах самой широкой проблематики позволяет научному материализму устранять источники принципиальных разночтений и противоречий, возникающих в итоге поверхностно-тенденциозного освещения проблем с противоположных позиций разными философскими школами. Это позволяет отыскивать общий конструктивный базис для построения адекватной каждому актуальному аспекту действительности

всесторонне-сбалансированной полноценной философской картины. Данное обстоятельство дает научному материализму возможность подняться над спорящими сторонами и выступать в высоком качестве авторитетного третейского судьи, фундаментально-взвешенно исследующего ситуации и коллизии и справедливо разрешающего конфликты. Установка на своевременный скрупулезный учет убедительных доводов широкого множества противоборствующих школ философии призвана поддерживать всю совокупность генерируемых материалистических представлений на высоком, соответствующем текущей эпохе уровне. Таким образом, этот вариант материализма во все предстоящие эпохи будет оказываться современным.

Кроме того, руководствуясь принципом материалистического монизма и кантовской идеей единства трансцендентальной апперцепции (единства мира сознания), это учение приобретает беспрецедентную возможность объединить все множество добытых материальных оснований под всем широким комплексом исследованных философских проблем в *единую систему материалистических представлений о мире*. Таким образом, научный материализм выдвигается на принципиально новый уровень всеобъемлющего учения, способного осуществлять функции собирания, объединения, синтеза конструктивного философского знания, консолидации усилий целой армии представителей самых разных школ в деле построения единой системной материалистической картины мира. В свете такой глобальной системной миссии возникает необходимость оформить учение под соответствующим новым названием – *синтезирующий реализм*.

Наиболее полно на сегодняшний день учение представлено в Интернете на персональной странице автора: <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-336.phtml> ,

значительная его часть также размещена на сайте: <http://sinthes.boxmail.biz/> . На эти адреса легко выйти через любой «интернет-поисковик» при задании словосочетаний «синтезирующий реализм» или «кольцевой детерминизм». Ряд идей нашел отражение в печатных публикациях:

1. Калмыков Р.Б. Между субъективизмом и объективизмом: в поисках «золотой середины»./ Философские исследования. Москва, 1994, №2, С.277-283
2. Калмыков Р.Б. Анатомия свободы. Иваново. Изд-во Ив.гос.ун-та.1995
3. Калмыков Р.Б. К проблеме активизации образного начала в философском мышлении./ Вестник научно-промышленного общества. Москва, изд-во АЛЕВ-В, 2001, Выпуск 2, С.48-58

аспектов философии и методологии физики. Определены причинные и онтологические основания феномена «жизни», даны взвешенные оценки господствующим эволюционным учениям. Внесена весомая ясность в понимание ряда традиционных философских проблем. Оформлен особый «материалистический» подход в феноменологии. Предложена строгая и наглядная модель когнитивного взаимодействия.

В данной работе предпринято особое исследование категории «случайность». В качестве фундамента избрано актуализированное автором ранее кантовское учение о «трех мирах». С бесконечно-сложным реальным (трансцендентным) миром материальных образований (предметов, полей и пр.) в частном бытии человека сопоставляется ограниченный мир человеческих феноменов, на базе которого человеческое сознание возводит знаково-аналоговый мир мысленно-чувственного модельного представления. Это три принципиально разных мира, не сводимых друг к другу. Онтологической базой их «параллельного» сосуществования является реальная причинная автономия организма человека и его мозга по отношению к остальному материальному миру.

Очевидно, что *реальный, феноменальный и модельный* миры требуют для своей интерпретации трех совершенно разных методологий, которые недопустимо путать. При этом царству абсолютного детерминизма реального мира противостоит ситуация относительной (частичной) определенности (или относительной неопределенности, случайности) феноменального мира. Сознание человека для практики ориентирования в такой двойственной ситуации вынуждено в мире своего модельного представления вводить специальный инструмент *вероятности*, отражающий степень определенности возникновения тех или иных феноменов. Для случаев работы с большими массивами данных сознание изобретает *статистические* исследовательские приемы.

чувственного модельного представления. Это три принципиально разных мира, сопоставляемых друг с другом, но не сводимых друг к другу. Они с очевидностью требуют для своей интерпретации трех совершенно разных методологий. И хотя с эпохи Канта прошло уже достаточно много времени, приходится с сожалением констатировать, что философия пока не пришла к достаточному осознанию этого факта.

Отсутствие ясности в понимании *тройственности* человеческого бытия неизбежно вызывает путаницу в умах. И сегодня сплошь и рядом имеют место случаи, когда элементы и целые фрагменты одного мира произвольно переносятся запутавшимся мышлением в другой мир, и в итоге получается чудовищная неразбериха. Примером может служить незавидная доля таких важных философских категорий и их сочетаний, как детерминизм и причинность, необходимость, случайность, свобода воли и пр. Некоторые аспекты отмеченной неразберихи уже были нами рассмотрены в упомянутых выше работах. Остальные ожидают своей очереди.

Самым важным обстоятельством, выяснившимся в итоге нашего исследования, считаем тот факт, что материалистический подход к описанию и объяснению действительности, при условии его должного развития, вовсе не чужд глубокому выяснению аспектов субъективного мира человека. Он способен полноценно работать на поле, где до этого полновластно господствовали субъективизм и эмпиризм, активно воспринимать, брать на вооружение отдельные конструктивные элементы их философских учений, давать им свою более глубокую и адекватную интерпретацию и в итоге гармонично вплетать в канву объединяющего философского синтеза.

СИНТЕЗИРУЮЩИЙ РЕАЛИЗМ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО РЕШЕНИЯ ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ

(Тезисы к докладу на V Российском философском конгрессе 2009 года, секция «Онтология и метафизика»)

Пока идут споры о перспективах дальнейшего развития философии, *синтезирующий реализм*, базирующийся на расширенной модели детерминизма, продолжает демонстрировать эффективные результаты в решении важнейших философских проблем.

В частности, помимо существенного прояснения детерминистической картины мира, ощутимо продвинута онтология неживой природы, оформлена картина *частного бытия* отдельных предметов. Достаточно остро актуализирован ряд принципиальных

4. Калмыков Р.Б. Принципиальная роль исходного специфического личностного поля человека в формировании феноменов переживаемого им мира./ Вестник научно-промышленного общества. Москва, изд-во АЛЕВ-В, 2002, Выпуск 3, С.63-72
5. Калмыков Р.Б. О содержании человеческого переживания./ Вестник научно-промышленного общества. Москва, изд-во АЛЕВ-В, 2002, Выпуск 4, С.100-128
6. Калмыков Р.Б. Антропологическая составляющая философского знания и принцип дополнительности./ Вестник научно-промышленного общества. Москва, изд-во АЛЕВ-В, 2003, Выпуск 6, С.235-243
7. Калмыков Р.Б. Причинные и онтологические основания когнитивной ситуации в свете философии «синтезирующего реализма»./ Актуальные проблемы современной когнитивной науки (Материалы международной научно-практической конференции 16-17 октября 2008г.), Иваново, 2008, С.103-106
8. Калмыков Р.Б. Синтезирующий реализм как эффективное средство решения философских проблем./ Материалы V Российского философского конгресса, т.I, секция «Онтология и метафизика»

Некоторые работы размещены в интернет-журналах и библиотеках, в частности:

Калмыков Р.Б. Аспекты частного бытия относительно автономных природных образований. / Философия.ru. Библиотека философии и религии <http://filosofia.ru/76425/> от 11.09.2008

Калмыков Р.Б. По обе стороны человеческого опыта./ Философия.ru. Библиотека философии и религии <http://filosofia.ru/76473/> от 24.12.2008

Для предварительного знакомства с учением ниже приведено краткое содержание ряда работ.

КОЛЬЦЕВОЙ ДЕТЕРМИНИЗМ: РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ НАУЧНОГО МАТЕРИАЛИЗМА

(полностью см. по адресу:

http://www.globalfolio.net/main/archive/autor/autor_z/Kalmikov_Kolcevo_y_determinizm.pdf)

Зеркало http://sinthes.boxmail.biz/cgi-bin/guide.pl?id_razdel=163569&action=article)

Предлагается теория «детерминизма замкнутого контура» или, проще, «кольцевого детерминизма», с которой автор связывает надежды на исправление принципиальных дефектов материализма, не позволявших последнему в силу архаичной методологии на полноценных основаниях участвовать в широком круге современных философских дискуссий.

Принцип всеобщей взаимосвязи, избранный в качестве единственного системообразующего начала, неизбежно порождает модель мира, страдающую причинным «тоталитаризмом». Любой локальный участок мира в такой модели оказывался жестко связан прямыми причинными нитями с другими ближними и дальними участками в единое неразрывное целое и не имел при этом ни малейшего права на какую-либо свободу, на какое-либо самоопределение и самодвижение.

Сегодня для многих понятно, что принцип универсального взаимодействия, взятый один в голом виде, не раскрывает глубинной сути большинства исследуемых философией ситуаций. В самом деле, прежде, чем два любых материальных образования начнут вступать во взаимодействие, очевидно, требуется, чтобы они обнаруживали себя в качестве *отдельных* сущностей. Таким образом, в противовес и в дополнение к принципу взаимодействия обязательно должен быть выдвинут иной принцип, раскрывающий природу «отдельности», «обособленности», локальной (частной) природной автономии. Автономия при этом может иметь различную природу: пространственную, вещественно-полевую, структурную, энергосиловую, функциональную, информационную. Но поскольку в материализме все должно происходить под контролем детерминизма, то можно смело предположить, что в основе всех этих вариантов всегда должна быть *локальная причинная автономия*.

В качестве простейшего примера рассмотрим ситуацию, когда двое отдельных людей превращаются во влюбленную пару.

При этом они перестают обращать внимание на окружающих и занимаются почти исключительно друг другом. Что важного происходит в детерминистическом аспекте? Общество и природа теряют двух активных граждан, *утрачивают два приемника и два источника причинных воздействий*. Вместо них возникает один довольно индифферентный объект. Причинная катастрофа? Нет. Изменяется только структура причинных связей. Теперь большая часть причинных связей этой пары обращена не вовне, а друг на друга (см. рис.1).

взаимодействий природных образований (включая и его собственную телесную оболочку) друг с другом, нюансах протекания природных процессов и взаимопорождения реальных событий;

- 5) неоднократно испытанный ранее успешный алгоритм практических действий, основанный на использовании утвердившегося модельного представления о мире, непременно вновь приведет к успеху, поэтому его следует без всяких сомнений использовать в текущем опыте и в будущем.

Вера помогает более тесно, отбросив отвлекающие сомнения, осуществлять связь между модельным, феноменальным и материальным мирами. И в актах уверования в мир материальных предметов, и в сопутствующим творческим актам конструирования модельного мира уверованиям в истинность модели, имеет место психический воображаемый выход за пределы непосредственного опыта, что являет собой акт (скачок) *трансценденции*.

Большинство философов-эмпиристов расценивают трансценденцию как акт недопустимого насилия над эмпирическим опытом, пытаются в своих учениях обойтись без нее. Они останавливаются на этапе фиксации составляющих эмпирического опыта, называемых у разных авторов «комплексами ощущений», «чувственными данными», «нейтральными элементами» мира, «сенсibiliями» и т.п. При этом ограничиваются лишь констатацией особой загадочной организации тех из этих составляющих, за которыми другие уверенно угадывают реальность внешних предметов и системного психофизиологического поля человека, наличие детерминистических взаимосвязей между ними.

В противовес этому подход продвинутого материализма (синтезирующего реализма) сопряжен с признанием «запытной» реальности свойств предметов и системного личностного поля человека, особенностей их взаимного детерминирования, имеет своей четкой целью процесс постепенного углубления познания всего этого, аналогового приближения к нему своих модельных представлений.

Три мира – три метода представления

Итак, модернизированный материалистический анализ внутреннего мира бытия человека привел нас к констатации истинности кантовского разделения его на три составляющие. Бескрайнему и бесконечно-сложному реальному миру противостоит ограниченный мир человеческих феноменов, на базе которого посредством мыслительных операций абстрагирования и конструирования возводится знаково-аналоговый мир мысленно-

моделировать в своем внутреннем мире. По поводу этих своих догадок человек создает посредством своего практически сориентированного творческого мышления ряд образно-логических конструктов, которые сопоставляет с обнаруженной материальной ситуацией. Впоследствии все частные конструкты соединяются синтезирующей способностью его мышления в виде единого системного конструкта-представления о мире.

Таким образом, человек добавляет к исходному феноменальному миру два новых: гипотетический, основанный на догадках и закрепляющей их вере, обнаруживаемый в актах мышления материальный мир (по Канту - трансцендентный) и сопоставляемый с ним сконструированный его же мышлением мир модельного представления (трансцендентальный). Последний возводится человеком по поводу реального мира, в целях успешного практического ориентирования в нем, через средство активного препарирования феноменального мира.

Подспудно подразумеваемая материальный мир, человек на деле организует свое частное бытие в рамках и по правилам модельного мира. Здесь прав прагматик Джемс: человек воспринимает мир через систему истин, которые он высказывает относительно этого мира. Прагматическая связь между этими тремя мирами закладывается изначально по воле нуждающегося в успешном практическом хозяйствовании человека. Человек создает схемы модельного мира именно для успешного организованного целесообразного ориентирования своего материального организма в материальном мире.

Кроме прочего, становится ясно, что в частном бытии человека весьма значительную роль играет особая психологическая установка, называемая *верой*. Это неотъемлемый элемент, без которого не построить адекватной картины мира. По аналогии с упомянутым оператором любой практический человек демонстрирует стихийный материализм, сопряженный с несколькими аспектами веры:

- 1) за скопищем феноменов в мире его «переживания» стоят образования материальной природы;
- 2) сам он так же являет собой материальное природное образование, способное вступать в материальные взаимоотношения с другими природными образованиями;
- 3) при взаимодействии ему удастся в достаточно адекватной для его практики мере обнаруживать и воспроизводить средствами своей чувственности и своего мышления, то есть, чувственно-мысленно моделировать реальные особенности природных образований, в том числе и собственного организма;
- 4) его причинные гипотезы имеют достаточно адекватную опору в реальном детерминизме. То есть в итоге он получает достаточно адекватное своей текущей практике представление о нюансах

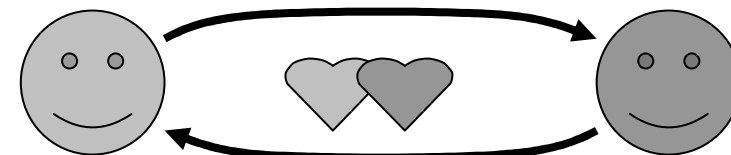

Рис.1

Здесь наглядно видно, что вместе две обобщенные линии причинного действия образуют *замкнутый причинный контур*.

Наш принципиально значимый вывод состоит в том, что именно возникновению этого контура мы и обязаны появлением *отдельного* материального образования – влюбленной пары! Эта пара начинает выступать как некое единое автономное тело, как *новый самостоятельный природный фактор*.

Рассмотрение пары соединяющихся материальных образований - это лишь наиболее простой пример. В реальном мире гораздо больше случаев, когда множество разнородных элементов посредством множества разнообразных связей соединяется в единое целое. В качестве примера можно привести *человеческий организм* или *государство*. Во второй половине XX века появилась особая наука – *синергетика* – исследующая общие закономерности подобных систем, образующихся на базе множества отдельных элементов посредством особой *внутренней функциональной согласованности*. Детерминисты обязаны в основе всякой функциональности обнаруживать и акцентировать конкретную причинную подоплеку. Так вот, мы беремся утверждать, что такой принципиальной причинной подоплекой в случае сложных систем, так же как и в рассмотренном выше случае двух тел, является наличие в недрах их природы нового *особого фактора*, за возникновение которого несет принципиальную ответственность *замкнутый контур детерминантных связей*. Этот фактор собирает и объединяет, склеивает в единое системное целое прежде анархично разрозненные элементы. Именно этот фактор, по нашему убеждению, является визитной карточкой всех отдельно существующих вещей в нашем мире, всех разнообразнейших системных образований и альянсов. Именно он отвечает за *принцип отдельности* и является *причинным основанием синергетики*. Поэтому учение о детерминизме должно быть незамедлительно расширено за счет включения в него особого *детерминизма замкнутого контура*.

Если абстрагироваться от конкретных конфигураций различных природных систем и концентрировать внимание лишь на свойстве замкнутости, то можно для простоты считать этот контур *кольцевым*. Кольцо здесь принимается в качестве элементарной модели замкнутого контура. Таким образом, характерным свойством всех отдельных материальных образований будем считать наличие внутреннего *детерминирующего*

кольца. А разновидность отвечающего за это свойство детерминизма будем называть *кольцевым детерминизмом*.

Прежний *прямолинейный* детерминизм вместе с новым *кольцевым*, воплощая совместное действие принципов обособленности и взаимодействия, теперь могут образовать надежный фундамент для построения сбалансированной философской системы, а также неплохой плацдарм для массивной атаки материализма по всей ширине философского фронта.

Теперь материализм получает строгую онтологическую базу под интерпретацию автономного существования, развития и движения отдельных материальных образований.

У прежнего материализма были серьезные затруднения в объяснении так называемого «феномена возникновения системных свойств». Когда система, образованная из известных элементов с известным набором свойств, вдруг начинала демонстрировать совершенно новые, не представленные до этого в элементах свойства, естественно возникал вопрос об их происхождении, природном основании. Сегодня мы можем сказать, что искомым детерминирующим основанием любой системности служит наличие внутреннего детерминирующего кольца, которое объединяет, склеивает разрозненные элементы в единое системное целое, обеспечивает свойство *эмерджентности*.

В отличие от статических детерминирующих колец, «склеивающих» отдельные предметы неживой природы, динамические детерминирующие кольца различной природы способны порождать гораздо более удивительные вещи. *Вихрь* является простейшим примером фактора, способного к самосохранению, самодвижению и саморегуляции. Он демонстрирует вполне определенную динамическую активность, может за счет этого вносить собственные оригинальные преобразования в окружающую среду.

Системы живой природы, *организмы* имеют в своей основе достаточно сложные комплексы динамических детерминирующих колец. Именно наличие этих комплексов и является образующим, трансформирующим и движущим началом всего живого. При изучении живого организма теперь можно на полном причинном основании использовать принцип автономии, независимости организма от окружающей среды, противопоставления организмом своих внутренних задач внешним влияниям.

Пропадает повод ссориться с *виталистами*. Нет больше повода яростно пинать аристотелевскую *энтелехию* и всю *имманентную телеологию*. Эгоизм, эгоцентризм, агрессия теперь получают под свое объяснение реальную онтологическую базу. Становится понятен причинный источник *воли* и проясняется позиция *волюнтаристов*. Вырисовывается

наблюдательность, рефлексию и логику, поскольку таковые сами обнаруживаются нами же в качестве «встроенных» качеств нашего внутреннего мира. Фактически от этого вычленения остается всего один небольшой шаг до решающей догадки о реальном существовании внешнего по отношению к содержимому самого Переживания вмещающего и структурирующего начала, психофизиологического поля материального человека. Однако этот шаг сопряжен с выходом за пределы чисто эмпирического мира, с уверованием в существование материального мира, и эмпиристы на это не решились.

Декарт «поймал» себя на логической функции своего личностного поля. Кто-то другой, обратив внимание на то, что «переживание» предстает в виде последовательной череды сменяющих друг друга чувственных образов, мог с таким же успехом «поймать» себя на другой «встроенной» функции - собственном образном мышлении. Можно и нужно «ловить» себя на массе прочих «встроенных» свойств нашего личностного поля, если хотим познать это поле во всей возможной полноте.

Догадка, в той или иной степени достоверное логическое предположение, подкрепляемое верой в его адекватность, являет собой инструмент дальнейшей полезной для человека обработки опытного поля. Подобной догадкой, наряду с «обнаружением» психофизиологического поля реального человека, при вычленении в эмпирическом потоке устойчивых «комплексов ощущений» (инвариантов) является и традиционное материалистическое «обнаружение» внешних предметов. Длительное наблюдение за «островками стабильности» в текучем поле опыта позволяет человеку сделать логический вывод о том, что за пределами опыта этим феноменам соответствуют независимые от внутреннего мира человека реальные предметы с их стабильными свойствами.

Далее, анализируя закономерности в поведении этих «островков стабильности», человек неизбежно отмечает факт существования между некоторыми из них определенного элемента стабильной ассоциативной «сцепки», что позволяет ему «обнаруживать» факт детерминистических взаимосвязей между реальными предметами и событиями.

Итак, активно препарировав собственную эмпирику, подвергая ее образно-логической обработке, осмыслению, можно последовательно двигаться изнутри феноменального мира человека по пути угадывания свойств как внешних предметов, так и собственного внутреннего психофизиологического поля, вместителища «переживания». Сделав ряд значимых догадок, человек испытывает потребность сориентироваться в новой ситуации, выработать активную позицию, разработать подходящий для этой ситуации алгоритм поведения. Поскольку он не может непосредственно «влезть» в материальную ситуацию, от которой его отделяют рамки феноменального мира, он вынужден эту ситуацию

отправной точки, *феноменологической аксиомы* философии частного бытия.

Перед человеком и становящейся философией частного бытия во всей очевидности и определенности встает принципиальная дилемма: либо последовательно, до конца придерживаться рамок эмпирического мира, скептически-осторожно не связываться с любой образно-логической обработкой опыта и остановиться на методе проб и ошибок, жертвуя собственной безопасностью, здоровьем, временем и усилиями, набивая бесконечные «шишки», либо с известной осторожностью довериться собственной наблюдательности, памяти и логике (поскольку они, как выясняется, у нас наличествуют в качестве «встроенных» функций нашего «переживания») в целях выявления в недрах «жизненного потока» полезных устойчивых закономерностей и инвариантов. И жизнь демонстрирует, что активность человека, потребность в успешном практическом действии во все времена и повсеместно ломает установку крайних скептиков. Последние с их «эмпирической чистотой» просто остаются в стороне от фарватера определяющих тенденций развития цивилизации.

Ранее мы уже рассматривали первые очевидные шаги на пути разложения первичного аморфного «переживания». Человек производит первичную логическую обработку своего сырого эмпирического потока и обнаруживает в нем закономерности и инварианты – устойчивые элементы. В качестве главного «встроенного» инварианта человек рано или поздно вычленяет свое «Я» – собственное личностное поле, в котором и разворачивается все интересующее нас действие. Декартовское “*cogito...*” – это ни что иное, как рефлексивное «обнаружение» в недрах потока чувственных ощущений особого рассудочного свойства собственного личностного поля, «встроенной» мыслительной способности собственной субъективности. Это внутреннее поле Гуссерль называл «трансцендентальным Я», эгоистической самоорганизующейся тенденцией, подчиняющей себе деятельность субъекта, самой субъективностью в ее «чистоте» (т.е. вне зависимости от того, чем она наполнена). М.Хайдеггер характеризовал эту «человеческую субъективность» как некий центр, вокруг которого все сосредоточено, некий экран, пред которым пред-стоит все остальное.

Идею Канта о «трансцендентальном синтезе», осуществляемом сознанием, Гуссерль расширил до констатации системной целостности всей человеческой субъективности. Солидарны с ним Дильтей, подчеркивавший системное единство переживания, и Хайдеггер, понимавший субъекта как нечто собирающее все к себе, как основа.

Для вычленения собственного субъективного начала в пестрой канве потока жизни человеку необходимо специфически активизировать свою

платформа, на которой строят свои учения все многочисленные разновидности *субъективизма*. В итоге у обновленного материализма исчезает повод яростно воевать с большинством конкурирующих учений: у них оказывается общая причинная и онтологическая база. Остается только по-другому, с материалистических позиций, интерпретировать акцентированные иными учениями явления и события, и мы получим в итоге *продвинутый вариант материалистического учения*.

Живые организмы демонстрируют склонность вступать в различные альянсы: стаи, стада и общественные агрегаты. В хаосе разнообразных связей между членами альянса четко прорисовывается замкнутый причинный контур, который является основой системной целостности альянса.

Учет всего многообразия факторов, лежащих в их основе причинных колец и вихрей, представленных в реальном социуме, может позволить сопоставить ему достаточно адекватную глубоко проработанную модель и успешно прогнозировать развитие разнообразных *социальных* процессов.

Относительная автономия комплекса нервной и гуморальной систем организма, имеющая под собой соответствующий замкнутый детерминирующий контур, обеспечивает автономию и активность такого фактора, как *психика*. Этот фактор наряду с физиологией слагает неповторимый *внутренний мир* человека. Особая зона или схема в мозге человека, также обладающая определенной причинной автономией, отвечает за работу его сознания, что обеспечивает потенциал относительной независимости сознания как от внешнего мира, так и от физиологии, а также остальной части психики собственного организма. Речь идет, подчеркнем, об относительной независимости, имеющей место на фоне общей подчиненности психики и сознания решению прагматических задач, стоящих перед организмом-носителем.

Кольцевой детерминизм и познание

Факт наличия у отдельного *субъекта познания* (человека или социума) причинной автономии по отношению к остальному миру принципиально упорядочивает ситуацию познания: мы обязаны теперь признать, что этот субъект обладает полным правом иметь свою особую познавательную платформу, позицию, историческую традицию, свое особое отношение к предмету познания, свой специфический частный взгляд. Все это накладывает свой неповторимый отпечаток на структуру знания в дополнение к ранее акцентировавшейся материализмом тенденцией к отражению объективных свойств познаваемых вещей. Вскрывается, таким образом, огромный пласт, до сих пор активно разрабатывавшийся только разного рода субъективистами и эмпиристами.

Чтобы в этом мире успешно функционировать, человек обязан иметь перед собой нечто получше, чем метод проб и ошибок. Установка на самосохранение и оптимальное развитие побуждает его иметь в качестве опоры, ориентира некий *алгоритм успешного действия*. У низших животных, существующих в давно стабилизировавшихся природных нишах, этот алгоритм заложен в инстинкте. Высшим же животным и особенно человеку, живущему в постоянно изменяющихся условиях, приходится создавать такого рода алгоритм самостоятельно. Создание же последнего невозможно без собственного *конструирования* понятной, экономичной, удобной для пользования и достаточно объективной *модели этого мира*. Модель является необходимой средой, на лоне которой разворачивается алгоритм. Они неразрывно связаны. Оптимизация алгоритма подразумевает совершенствование модели. На соиздание и модернизацию-оптимизацию этого алгоритма и этой модели и нацелен, если разобраться, весь процесс человеческого познания. Кроме того, через взаимодействие этого тандема осуществляется влияние на познание *прагматической установки* человека и социума. Создатели новой модели подспудно «держат в уме» новый, более полезный алгоритм. В дальнейшем алгоритм и модель проходят стадию проверки опытом и, в зависимости от степени успешности испытания, принимаются на вооружение или отвергаются. Как правило, имея перед собой несколько альтернативных вариантов таких тандемов, люди избирают для себя наиболее прагматически оправданный (по целой совокупности качеств, среди которых присутствуют и оценка эффективности, и принцип экономии, и стремление минимизации опасных и вредных издержек, и комфортность). Вот таким образом, посредством совершенствования и смены моделей и алгоритмов в среде остро конкурирующих концепций под давлением прагматических запросов человечества, и осуществляется сложный *механизм познания*. До сих пор наиболее важные и интересные аспекты этого механизма акцентировались и исследовались иными учениями, теперь в это дело имеет возможность весьма активно включиться и обновленный материализм.

Наличие в природе двух причинно и онтологически равноправных платформ для освещения процессов, происходящих в сознании – *изнутри* причинного кольца сознания и *снаружи*, из окружающего мира – позволяет говорить об узаконенном двойном характере их освещения. Отныне имеют равное право на жизнь два равноправных, взаимодополняющих взгляда на один предмет – *внутренний и внешний, субъективный и объективный*, что-то в духе известного *принципа дополтельности* в нынешней физике микромира. У каждого взгляда – своя методологическая платформа, свой аппарат восприятия, изложения и интерпретации, своя специфическая мотивация. Оба вместе – они обеспечивают полноту восприятия нами данного предмета. Без любого из них представление о предмете будет

«человек», а скорее в роли штурмана, послушно прокладывающего курс в соответствии с поставленной практической задачей.

В начале прошлого века некоторые марксисты делали попытки «подружить» материализм с эмпиризмом в духе того времени. Однако резко «получили по рукам» от товарища Ленина на страницах его книги «Материализм и эмпириокритицизм» [8]. В итоге бескомпромиссной идеологической войны материализм фактически самоустранился с поля животрепещущих философских баталий. Не слишком выручила и специально созданная для выправления ситуации марксистско-ленинская концепция практики [Там же, с.145-146]. Замешанная на отрицании активной роли человека-субъекта, она оказалась остро страдающей квази-объективизмом: категории «практика» и «труд» приобрели в ней пугающие фантастические самодостаточные качества надприродного и надчеловеческого всемогущества.

Частное бытие человека: вид изнутри

Проводником в «интроспективном» путешествии по миру частного бытия человека волей-неволей приходится избрать собственное сознание, которому открыты недоступные для внешнего наблюдателя внутренние явления и процессы, и за которым природой закреплена задача их сопровождения и интерпретирования. Такой выбор, надо отметить, идет вразрез с традиционным материалистическим подходом, в рамках которого любое внутреннее явление, в том числе тончайшее движение души рассматривается с позиций сурового внешнего наблюдателя-редуктивиста. Это знаменует не просто вступление материалистического начала на прежде игнорируемое им феноменологическое поле, но и строгое организационное структурирование им этого поля, гармоничное включение последнего в систему философского знания.

Итак, нам предстоит написать собственную феноменологию, как составную часть синтезирующего реализма.

Начинать строить нашу особую философию будет правомерно не с каких-то абстракций вроде «субстанции» или «материи», а с очевидных аксиом, присущих частному, локальному человеческому бытию и мироощущению. В связи с этим отправной точкой философии следует признать то, на чем человек способен ловить себя в акте простейшей рефлексии. Подходящим на эту роль считаем первичное неразложенное дильтеевское «переживание»: все, что человеком ощущается, чувствуется, испытывается, мыслится, что составляет весь его внутренний мир, совокупность элементов «потока жизни» в их единстве и взаимосвязи. Реальность «переживания» признается нами, таким образом, в качестве

субстанция. Человек же, как и все прочие отдельные единичные предметы, мог рассчитывать здесь лишь на роль слепого бесправного слагаемого, «винтика необъятной машины», «продукта природы», не заслуживающего сколько-нибудь определенного онтологического статуса. Иной подход продемонстрировал в свое время Л.Фейербах, расценивавший «человека, включая и природу, как базис человека», в качестве единственного, универсального и высшего предмета философии [6]. Антропология, таким образом, возводилась Фейербахом в ранг универсальной науки. Так что у материализма был в свое время шанс «подружиться» с антропологией, которым он, к сожалению, не воспользовался.

Сегодня можно считать общепризнанной значимую заслугу великого Канта в расчленении реальности на три особых мира: трансцендентный («вещи в себе»), трансцендентальный (разум, мышление) и феноменальный (эмпирика, опыт) [7]. Третий, эмпирический мир, мир опыта, практики в отечественной философии оставался пока без должного внимания. А между тем, мода в просвещенном философском мире уже давно утвердилась как раз на эмпирических тенденциях. И это вполне закономерно.

Засилие метафизики в западно-европейской философии XVII-XVIII веков сказало, кроме прочего, в тотальном господстве рационализма: гипертрофировалась роль сознания и мышления во внутреннем мире и в бытии человека, в трактовке его познания. Из сочинений того времени следовало, что сознание и мышление полностью ответственны за все процессы во внутреннем мире человека и полностью контролируют его мотивацию, а также всецело регламентируют его жизнь рациональными понятиями и представлениями. Вплоть до того, что познание расценивалось в качестве основной функции и потребности человека.

Ввиду этой тенденции противопоставление внутреннего и внешнего миров человека неизбежно сводилось-редуцировалось к прямому сопоставлению сознания и мышления с внешним миром, «через голову» человеческого или социального организма со всеми его частными проблемами и потребностями, с его развивающимся материальным, психическим и социальным опытом.

Такой вопиющий перекокс не мог существовать вечно. Ответом на него и явился в XIX-XX веках масштабный взлет философского эмпиризма в нескольких его разновидностях. Волюнтаризм, феноменология, экзистенциализм, «философия жизни», позитивизм, эмпириокритицизм, прагматизм и др. школы философии повели массивное наступление на рационализм, потеснив в итоге как теологию с теософией, идеализм, так и материализм. Эмпиристы исправили указанный выше перекокс в отношении роли и места сознания, добившись «фазы скромности сознания». Сознание теперь стало выступать не в роли командира корабля под названием

неполным. Это не может не наложить весьма серьезный методологический отпечаток на структуру практически всех специальных наук о живых организмах, человеке и социуме. Фактически идет речь о необходимости четкого разделения материала каждой из этих наук на две составляющие: внутренне - и внешнеаспектную. Ранее нами уже указывалось на некоторые обстоятельства такого разделения [1] и [6]. Кроме того, особое внимание должно быть приковано к проблеме взаимодействия этих двух составляющих, механизму сопоставлений и взаимных трансляций их специфических трактовок явлений и событий.

Теперь появилась возможность для давно назревшего решительного поворота теории познания материализма в критическом направлении. Этому призван серьезно поспособствовать специально декларируемый принцип *многогранного монизма*.

Последний подразумевает, что материальная реальность, конечно, *одна*, но она при этом весьма *многогранна* и *многоступенчата*, то есть, представлена множеством относительно автономных и затейливо взаимодействующих друг с другом подразделений, отдельные свойства которых раскрываются перед исследователем лишь под определенными ракурсами, лишь с определенных наблюдательских позиций и лишь через посредство определенных методик наблюдения.

Заинтересованный и увлеченный наблюдатель-исследователь всегда видит изучаемый предмет лишь под каким-то одним избранным им углом зрения. При этом он, как правило, выступает с какой-то вполне определенной мировоззренческой платформы, вооружившись некоей исходной познавательной установкой и имея перед собой некую предвзятую модель происходящего. Порой еще и само исследование преследует какую-то изначальную прагматическую цель. Так что каждый волен увлекаться или не увлекаться итогом такого исследования, носящего явно выраженные субъективные черты. В разное время становятся модными то одни такие субъективные достижения, то другие. Соответственно, изучаемый предмет ярко освещается то с одной стороны, то с другой. Но надо помнить, что каждое такое исследование является заведомо узким, односторонним. Дело спасает тот факт, что подобных исследователей и выдвигаемых ими трактовок происходящего бывает достаточно много, поэтому присутствует возможность выбора интересующего ракурса освещения предмета. Остается проблема целостного восприятия предмета, опасность потерять восприятие леса за отдельными деревьями.

Следует четко отличать реальные, имманентно присущие природным вещам качества (и кроющиеся за ними детерминирующие кольца) от отдельных значимых для познания свойств, высвечиваемых в частных исследованиях текущего периода. Здесь нам весьма пригодится методология знаменитого Канта, его концепции «вещи в себе» и «феномена». В

последнее время на переднем крае науки в условиях отсутствия четкой материалистической мировоззренческой платформы, к сожалению, начала довлеть эмпиристско-скептическая методология с ее абсолютизацией наблюдаемых феноменов. В частности, это касается физики микромира, где камнем преткновения стало обнаружение того факта, что не все потенциально доступные исследованию грани реальности могут открываться исследователю одновременно. Например, нельзя зафиксировать в опыте одновременно координату и импульс микрочастицы. И здесь во всей полноте встает проблема мировоззренческой интерпретации данного факта. Из этой ситуации эмпиристы и материалисты делают принципиально разные выводы. Если эмпиристы пытаются абсолютизировать итоги наблюдений и предпочитают считать ущербными свойства самих микрочастиц, то есть сваливают проблему на «голову» микромира, то последовательные материалисты склонны расценивать итоги экспериментов, как свидетельство наличия *специфических условий опытного доступа* к микромиру, особых свойств того коридора, который ведет из макромира в микромир. С очевидностью требует своего дальнейшего развития *критическая линия в теории познания*: если даже в «обычных» макроусловиях процесс освоения-познания предусматривает акцентируемые со времен Канта специфические условия своего осуществления, то с переходом к исследованию микромира эта специфичность многократно усиливается-усложняется.

В рамках попыток решения пресловутой mind-body problem до сих пор пытались агрессивно сталкивать внешний и внутренний способы исследования с целью доказать их неравноправие. В рамках нашей концепции равноправие этих способов возводится в основополагающий принцип. В пользу последнего может быть приведен факт, что одни и те же явления в мозге могут быть с одинаковым успехом вызваны двумя разными путями: ментальным со стороны разума и посредством физико-химического воздействия со стороны внешнего исследователя. Напрашивается аналогия с айсбергом: его тоже могут приводить в движение воздействия в разных средах: ветры в воздушной и течения в водной. Физико-химические исследования мозга сегодня пока не слишком продвинуты для того, чтобы позволить в точности подменять ментальные феномены, но это, думается, лишь вопрос времени.

Острый спор до сих пор вызывал вопрос: каким же законам все-таки в первую очередь подчиняются процессы в мозге – ментально-логическим или физико-химическим. Очевидно, физико-химические законы образуют необходимую начальную базу для формирования любых био - и психопроцессов. Однако сформировавшиеся в теле мозга на протяжении длительной приспособительной эволюции сложнейшие схемы, пусть и состоящие из примитивных элементов, отвечают специальным задачам и организованы таким образом, что коррелируют с закономерностями

выше детерминирующих полей. Расширяя нишу своего частного бытия, человек подчиняет своим целям внешние предметы, осваивает их, простирает на них сферу действия своего внутреннего детерминизма. Одновременно, вступая в новую неизведанную сферу действия внешнего природного детерминизма, он вынужден сам подстраиваться под новые правила поведения, диктуемые новыми открывшимися закономерностями, трансформировать свое бытие с учетом обновленных внешних условий. При этом соответственно усложняется-оптимизируется и алгоритм его поведения, и его модельное представление об освоенном им участке мира.

Учитывая принципиальную локальность сферы частного бытия человека, следует сделать неизбежный вывод о заведомой ограниченности потенциала человеческого покорения-преобразования-освоения мира. Принимая же во внимание тесную увязанность, взаимоопределяемость человеческого познания с практикой указанного освоения, следует также признать и факт заведомой ограниченности его познавательных возможностей. Потенциал знания человека жестко определен, ограничен локальными рамками сферы его частного бытия, этой пресловутой компактной «ямки» на безбрежном поле природы. Получается, утверждать что-либо определенное человек имеет серьезные основания лишь в отношении вещей и событий на этом освоенном им компактном «пяточке» Природы, да и то – с учетом текущей глубины их практической освоенности. Строго говоря, на этом «приземляющем» факте со всей очевидностью должна основываться общая концепция и методология науки, в том числе и философии. В частности, очевидна несовместимость с этой методологией безудержных теоретических фантазий о бытии всего бескрайнего мира, субстанции, материи, в том числе «живой» и «мыслящей», «вселенских взрывов и расширений» и пр.

Антропологический принцип в философии

Один из самых ошутимых отрезвляющих ударов по необузданному романтизму ранней древнегреческой философии был нанесен Протагором из Абдеры (490-420 г.г. до р.х.). Его перу принадлежат следующие сентенции: «Человек – мера всех вещей», «...какой мне кажется вещь, такова она для меня и есть, а какой тебе, такова же она, в свою очередь, для тебя».[5] С тех пор философия вынуждена соизмерять свои положения с Человеком, которым, по поводу которого и для которого, в сущности, она и создается. В философию, таким образом, решительно вошел антропологический принцип.

Ряд разновидностей материализма, страдающих откровенным объективизмом, объявили этому принципу войну: в их схемах мироздания единственной реальностью признавалась всеобъемлющая материя-

Каким предстает поле частного бытия человека на фоне безбрежного поля бытия остальной природы? Согласно синтезирующему реализму, его можно представить себе в виде особой нелинейной потенциальной «ямки» на ровном линейном поле. Наряду с традиционным «обменным» детерминизмом природы здесь действует свой специфический кольцевой детерминизм, который формирует местное потенциальное силовое поле центрально-симметричного характера, слагаемое, очевидно, как и все прочие подобные поля, в соответствии с законом «обратных квадратов».

Данный закон предусматривает довольно резкое ослабевание силового поля с удалением от центра «ямки», поэтому можно смело утверждать, что внутренний кольцевой детерминизм частного бытия человека имеет ограниченные пространственные рамки своего актуального действия. Природа кольцевого детерминизма предусматривает ограниченность существования его материальных носителей и во времени. Как и у любого другого кольцевого или вихревого образования, продолжительность жизни у человека и его внутреннего детерминирующего начала вполне строго «отмерена» природой. Данные обстоятельства побуждают сформировать объективно-философскую концепцию частного бытия человека, суть которой состоит в признании его локального и специфически нелинейного характера.

Бытие в рамках такой «ямки» должно характеризоваться сугубо «местным» масштабом и системным колоритом. Центральный характер взаимодействия с окружающим миром в совокупности со свойством самосохранения, присущим обладателям внутреннего кольцевого детерминизма, подразумевает эгоцентрические и эгоистические организующие черты в бытии человека, соответствующую этому систему стимулов и ценностей. Закон «обратных квадратов» предусматривает как повышенный интерес человека к вещам, событиям и социумам в его ближайшем окружении, так и резкое ослабевание этого интереса с удалением от него. Именно поэтому человек так любит себя и свою семью, своих друзей, свои вещи, свою спортивную команду и свою страну. Именно потому так ненавидит бывшего супруга, более успешного коллегу и зловредного соседа. Именно потому так вольготно живет в центре, и так скверно – на отдаленных окраинах.

Факт непрерывного развития человека и сферы его обитания, расширения им своей природно-культурной ниши вовсе не посягает на принцип локальности его частного бытия. Частное бытие отдельного человека, социума или всего человечества в любой момент времени представляет собой все ту же, пусть и несколько расширившуюся и углубившуюся, компактную «ямку» на безбрежном поле природы.

Взаимодействие человека с прилегающим участком природы определяется компромиссом алгебраического сложения двух упомянутых

психических процессов. На поверхностный взгляд, здесь имеет место все тот же биоток, текущий по нейронной сети. Но сеть при этом весьма хитро организована. *Здесь довлеют специальные физические схемы, отвечающие логическим схемам разума.*

Сегодня инженерная мысль в технике и радиоэлектронике продвинулась достаточно для того, чтобы создавать устройства весьма широкого функционального назначения. Логика их функционирования также весьма различна, иногда она копирует некоторые функции человеческого организма. Хотя в основе всех происходящих внутри этих устройств процессов также лежат простейшие физико-химические законы, следует признать, что *в системном плане* все там подчинено логике выполняемой задачи. Здесь, на наш взгляд, полная аналогия с mind-body problem.

СИНТЕЗИРУЮЩИЙ РЕАЛИЗМ: СИСТЕМНОЕ ЕДИНЕНИЕ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

(полностью см. по адресу: <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-337.phtml>

или на сайте: <http://sinthes.boxmail.biz/>)

Основная идея теории кольцевого детерминизма состоит в том, что в фундаменте любой отдельности, изолированности, автономности, синергетичности и автопозности лежит особый внутренний причинный поток, который непрерывно циркулирует внутри тела (природного образования) по замкнутому пути (контур). Примером может служить простой атмосферный вихрь. Здесь причинный поток движется по близкой к кругу спирали и имеет механическую вращательную природу. Он-то и обеспечивает самопроизвольное непредсказуемое поведение вихря. В других случаях природа потока может быть электромагнитной, химической, биофизической, ядерной и т.д.

Принципиальным моментом является тот факт, что этот поток, в силу его замкнутости, является причиной самого себя (causa sui), сам себя в силу специфической инерции собственного движения постоянно возобновляет и поддерживает, стремится сохранить свой автономный онтологический статус, а вместе с этим и автономный физический статус контролируемого им тела. При этом он специфически детерминирует не только «свое» тело, но и прилегающую область окружающего мира. Таким образом, он выступает в качестве отдельного локального природного фактора, источника и носителя особого типа детерминизма, который и предложено выделить в особый разряд под названием «кольцевого».

Таким образом, жизнь ставит перед философами задачу вычленения в традиционном детерминизме двух принципиально не сводимых друг к другу равноправных разновидностей: *прямолинейной(поступательной)* и *кольцевой(круговой)*. Методологически речь идет всего лишь о «подтягивании» учения о детерминизме до уровня классической механики, где подобное принципиальное расчленение типов движения тел было сделано несколько столетий назад (!). Так что предлагаемую «модернизацию» можно трактовать, как философское расширение элементов механики Ньютона на общее учение о детерминизме.

Следует констатировать, что существование любого отдельного образования сопряжено с сосуществованием двух принципиально отличающихся миров: особого внутреннего с замкнутой самодетерминацией и обычного внешнего с его традиционным детерминизмом. В связи с этим жизнь заставляет нас принять вполне определенные методологические новации. А именно, для адекватной интерпретации ситуации с очевидностью потребуются *бикаузальная* и *биметрическая* система представлений.

Бикаузальная – ввиду соседства и наложения двух разных типов детерминизма. Биметрическая – потому, что в отличие от обычного *однородного и линейного* поля, характерного для окружающего мира, внутреннему замкнутому миру, локализованному в пространстве и времени, природой уготовано (из курса классической физики) нелинейное и неоднородное поле *центральных сил*. Это два разных силовых поля, в которых действуют разные законы взаимодействия и движения. Центральное силовое поле, в частности, быстро ослабевает с удалением от центра (в соответствии с законом «обратных квадратов»). На некотором удалении его действие уже становится неактуальным, поэтому в целом его можно считать довольно компактно локализованным в пространстве. Из сложного взаимодействия двух этих миров, двух различных типов детерминизма и двух разных силовых метрик и рождается масса феноменов, волнующих воображение и запутывающих сознание философов самых разных направлений.

Физическая самостоятельность организма человека первична и является базой самостоятельности его психики и сознания. Отсюда и вытекает, что конечный объем, органическая целостность и системная замкнутость внутреннего физического мира человека в полной мере характерны и для его психической составляющей.

Вышеуказанную бикаузально-биметрическую причинно-онтологическую модель мира предлагается рассматривать в качестве фундамента для построения *синтезирующего реализма*. Принятие на вооружение данной модели действительности, как будет показано ниже,

«гуманитариев», оказался значительно затруднен. Отсюда – проблема господства на передних рубежах физики сырых в философском отношении представлений и методологий, которая с дальнейшим усложнением математического аппарата исследований может приобретать все более опасные масштабы.

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОПЫТА

(полностью см. по адресу: Философия.ru. Библиотека философии и религии <http://filosofia.ru/76473/> или <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-356.phtml>)

В этой работе продолжается начатое ранее (См. 1. Калмыков Р.Б. Ревизия способа философского мышления: апология образа. <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-341.phtml> ; 2. Калмыков Р.Б. Принципиальная роль исходного специфического личностного поля человека в формировании феноменов переживаемого им мира. <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-342.phtml> ; 3. Калмыков Р.Б. О содержании человеческого переживания. <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-343.phtml>) исследование феноменальных и материальных аспектов частного бытия человека.

Напомним, причинная база относительно обособленного частного бытия любого отдельного природного образования имеет своей опорой реальное локальное детерминирующее начало, циркулирующее по замкнутому контуру в недрах носителя. Именно оно обеспечивает автономию и своеобразие, в данном случае, отдельного человека, социума, специфику их отдельного частного бытия. Это частное бытие развивается на поддерживаемом указанным началом локальном онтологическом «островке» реальности, обладающем, еще раз подчеркнем, элементом автономии по отношению к остальной реальности.

Комплексная причинная теория и онтология синтезирующего реализма предусматривают и комплексное освещение частного бытия человека по аналогии с частным бытием прочих отдельных природных образований. Изначально устанавливается необходимость двойного исследования, как «снаружи», с позиций внешнего объективного мира, так и «изнутри», с позиций субъективного внутреннего мира. Параллельно следует решать задачу налаживания между ними соответствующих «мостов».

Частное бытие человека: вид снаружи

они отрицают вообще реальность, существующую «саму по себе», вне конкретных наблюдений. В своих работах [Относительность одновременности против остальных «релятивистских» эффектов. <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-351.phtml> ; Специальная теория относительности Лайт. <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-348.phtml> ; СТО – итог недопустимых теоретических упрощений. <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-350.phtml>] автор уже акцентировал внимание на принципиальной методологической некорректности актов прямых измерений в указанных условиях. Нарушение принципа одновременности фактически делает невозможными здесь взаимные прямые измерения, создает тем самым специфическое когнитивное ограничение. Так что на деле имеют место лишь обманчивые иллюзии вышеупомянутых сокращений, которые недопустимо возводить в ранг истины.

Релятивистская методология в квантовой механике привела к заведомому сужению исследовательского поля: роль доступных наблюдению величин была гипертрофирована, а величины, по объективной «технологической» причине недоступные наблюдателю, вооруженному грубыми макроприборами, объявлены *несуществующими* в природе. Таким образом, проблема самого процесса наблюдения, специфические когнитивные ограничения, возникающие при взаимодействии макро- и микротел в исследованиях микромира, были трактованы как собственные онтологические проблемы микрочастиц. В результате релятивисты «лишили» микрочастиц права обладать траекторией своего движения и иметь определенные сочетания своих физических характеристик.

В своих работах [Кольцевой детерминизм против пробабилизма. <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-344.phtml> или <http://www.wbabin.net/physics/kalmykov1r.pdf>; Мысленный эксперимент, иллюстрирующий ситуацию с исследованием микромира. <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-349.phtml>] автор уже подробно акцентировал ущербность релятивистского подхода в физике микромира.

В обоих указанных случаях сыграла дополнительную усугубляющую роль значительно усилившаяся в XX веке математизация исследовательского процесса. Усложнившийся аппарат математического сопровождения физических измерений сделал постижение сути явлений в современной физике уделом ограниченного круга «посвященных», сумевших освоить сложные основы современной математики. В среде таких «физиков от математики» легко вызрела иллюзия самодостаточности хорошо математически обчисленных эмпирических данных, без последующей их достаточно сложной логической и мировоззренческой обработки. Доступ же в эту сферу традиционных философов, в массе своей

устраняет принципиальные мировоззренческие «перегородки» между познавательными подходами и приемами сторонников прежде антагонистических учений. Появляется счастливая возможность построения учения, нацеленного на синтез, систематизированное включение в свое лоно всего конструктивного философского знания, наработанного за всю историю человечества в рамках множества частных философских учений.

Причинную автономию живых организмов по-своему акцентировала *энтелехия* Аристотеля, *имманентная телеология* немецких классических философов (Гегель, Кант, Шеллинг), «витализм». Теперь эти учения в рамках синтезирующего реализма приобретают недостающую причинную и онтологическую платформу. Также получает причинное основание современная теория *самоорганизующихся систем*.

При изучении живого организма наконец можно на полном причинном основании использовать принцип автономии, независимости организма от окружающей среды, противопоставления организмом своих внутренних задач внешним влияниям. Эгоизм, эгоцентризм, аутопоэз, агрессия теперь получают под свое объяснение реальную онтологическую базу в виде специфического внутреннего детерминизма, развивающегося в поле центральных сил. Становится причинно обоснованной характерная для мира живого *адаптация* – единство *аккомодации* (уподобления среде) и *ассимиляции* (подчинения среды себе).

Получает полноценное причинное объяснение свойство раздражимости – способность организма отвечать на внешнее воздействие состоянием внутреннего возбуждения. Это частное проявление общей ситуации, когда внешний мир воздействует на процессы в самоорганизующейся системе опосредованно, через развязывание внутренних процессов в ней самой.

Возникает шанс для сбалансированного разрешения «вечных» дилемм биологии: механицизм-витализм, автогенез-эктогенез, преформизм-эпигенез, редукционизм-антиредукционизм. Если рассматривать живой организм и популяцию в их развитии, приходится по-новому оценивать противостояние эволюционных учений Дарвина и Ламарка. Учение Дарвина, предусматривающее в качестве основы эволюции воздействие внешней среды плюс случайные мутации генов, в свете расширенного детерминизма выглядит однобоко, как однозначно объективистское. Очевидно, для реальной полноты картины теория эволюции должна включать, помимо воздействия факторов внешней среды, еще и последовательное *историческое саморазвитие* внутреннего имманентного причинного начала организма, в духе теории эпигенеза – развития организма путем новообразований. И, разумеется, должен быть когда-нибудь вскрыт механизм наследственной передачи приобретенных признаков.

Обретает причинно-онтологическую поддержку учение Ламарка о двух факторах эволюции: видоизменяющем воздействии внешней среды и особом «стремлении природы» к усложнению организации. Избрание в качестве реальных факторов эволюции, помимо влияния внешней среды, направленного саморазвития особей и закрепления-передачи приобретенных или утраченных свойств по наследству видится теперь строго причинно обоснованным.

Поскольку человек и окружающий мир демонстрируют взаимную причинную и онтологическую автономию, появляется возможность наглядного изображения акта их взаимодействия с помощью логических диаграмм Венна.

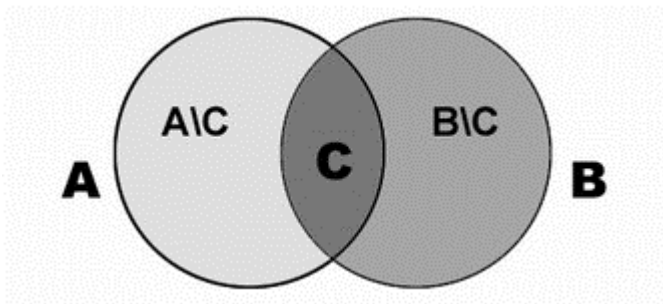

Рис.2. Причинно-онтологическая модель взаимодействия отдельного природного образования, в том числе человека, с внешним миром.

Из приведенной диаграммы наглядно видно, в каком взаимоположении и в какой взаимозависимости находятся два детерминирующих фактора: внутренний и внешний. Именно исходя из этой схемы и следует четко разграничивать их позиции. Становится также понятно, почему философский мир, начиная с древних греков, так основательно разделился на три глобальных лагеря: *объективистов, субъективистов и эмпиристов* (скептиков-феноменалистов-прагматиков-позитивистов).

В статье подробно рассмотрены особенности каждой из пяти областей диаграммы. Вся философия разложена по группам в соответствии с актуализацией-абсолютизацией каждой отдельной области. Следует признать, что в оценке каждой из обозначенных областей мнения и доводы каждого из конкурирующих философских лагерей имеют как конструктивные элементы, так и элементы явного перехлеста, вопиющего расхождения с действительностью. На деле для реально сбалансированного учения, каким мы мыслим синтезирующий реализм, одинаково важны все области, так что отрицание любой из них следует признать заведомо

данном исследовании. В итоге на свет рождается шесть совершенно разных (иногда – частично, как 5 и 6) заведомо тенденциозных когнитивных представлений об исследуемом предмете. Неизбежно возникает иллюзия зависимости обнаруженных свойств от исходной позиции исследователя, иллюзия произвола, «всемогущества» исследователя.

Позиция многогранного монизма в данном вопросе сводится к констатации изначальной множественности граней у реально существующего (вне зависимости от позиций тех или иных исследователей) предмета-ноумена («вещи самой по себе») и необходимости *комплексной теоретической обработки всех эмпирических данных*, получаемых всеми исследователями. Только в этом случае может быть получено вполне адекватное *системное представление* об исследуемом предмете. Более того, в случае комплексного подхода и базирующегося на нем системного представления о предмете гораздо легче обнаруживать «белые пятна» - те грани предмета, что еще остались не изучены исследователями. Так что, кроме очевидной чисто мировоззренческой пользы, многогранный монизм способен обеспечить еще и методологические преимущества, конкретные когнитивные ориентиры и подсказки.

II

Сегодня приходится констатировать, что на передовом крае исследований современной науки масштабно проявился новый фактор – *когнитивные ограничения*, диктуемые объективными «технологическими» особенностями процесса исследования-познания. Например, досадно, что при всей нашей современной технической оснащенности мы не сможем узнать, что сейчас происходит на отдаленных звездных системах нашей Вселенной: сигнал оттуда сможет достигнуть Земли лишь через многие миллионы лет. Получается, возможности нашего познания ограничены временем доставки сигнала. Можно привести и другие примеры. Словом, жизнь ставит человечество перед необходимостью выработать здоровую методологию существования и познания в условиях специфических когнитивных ограничений. Особенно остро эта проблема стоит сегодня в релятивистской механике и квантовой механике, где пока безраздельно господствует когнитивный релятивизм.

Например, в рамках СТО абсолютизируются два *взаимоисключающих* результата, получаемые двумя движущимися мимо друг друга исследователями. Выводы обоих о взаимных сокращениях длин отрезков и промежутков времени в релятивизме имеют одинаково истинный когнитивный статус. Вопрос – что же происходит с этими системами «на самом деле» - релятивистами просто снимается с рассмотрения, поскольку

на всю эту *когнитивную анархию* здоровым принципом *многогранного монизма*, суть которого была изложена нами ранее.

Уместно и удобно изобразить соответствующую когнитивную ситуацию в логических диаграммах Венна. Автором уже предлагалась ранее модель *бинарного* взаимодействия осваивающего и познающего человека с исследуемым предметом. Считаю правомерным развить идею этой модели на случай, когда во взаимодействии с исследуемым предметом участвуют несколько исследователей, имеющих разные исходные позиции, мировоззренческие и прагматические установки, исторические и культурные традиции, методологии, углы зрения и стили мышления. Этому случаю отвечает диаграмма на рис.5.

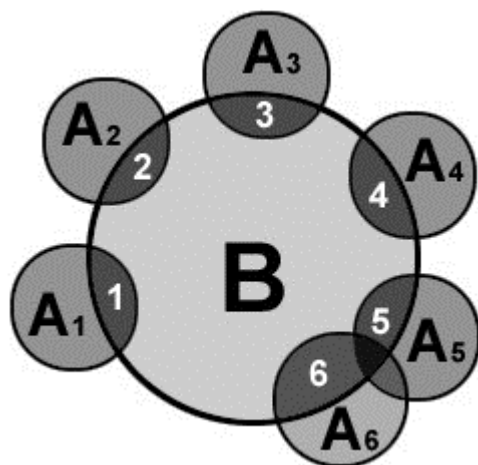

Рис.5. *Взаимодействие исследователей с предметом в модели многогранного монизма.*

Здесь наглядно видно, что каждому из исследователей A1- A6 в акте взаимодействия с предметом В открывается всего лишь одна особая зона, грань реальных качеств и свойств предмета 1-6. Иногда, в случае близких подходов, эти зоны пересекаются, как 5 и 6. В иных случаях они вообще исключительны.

Каждый из исследователей 1-6 подвергает полученные им эмпирические данные об избранной им заранее грани предмета собственной тенденциозной теоретической обработке, в ходе которой, как правило, демонстрирует склонность к абсолютизации своего узкого «видения» предмета, к экстраполяции открытых свойств одной грани на весь предмет в целом и отрицанию реальности других свойств, не открывшихся ему в

ошибочным актом. Строгого описания ситуации, реально складывающейся в каждой из акцентированных областей, можно будет добиться, по-видимому, аккумулируя конструктивно-критическое содержание учений представителей всех лагерей.

Под внутренним миром, как правило, понимают духовный мир в том виде, как он представляется человеку в итоге акта самоощущения, рефлексии. Вот его-то и пытаются, нисколько не смущаясь, прямо противопоставлять окружающему человека внешнему миру. По нашему мнению, это совершенно абсурдно, поскольку сопоставляются вещи различной природы. Чтобы серьезно сопоставлять разные вещи, надо искать для них одну общую реальную плоскость согласно *принципу материального основания*.

Кантовское замечание о *бытийном условии познания*, к счастью, не прошло для философии даром. В эпоху всплеска учений феноменалистов фактически закончился романтический период трактовки человеческого познания. С первой роли оно было смещено на вторую, подчиненную. Наступила, по выражению Ф.Ницше, «фаза скромности» сознания. Доводы сторонников «философии жизни» и прагматизма убеждают нас, что человеческое познание вовсе не анархично, не самодостаточно, а является частью, слагающим элементом опытного, практического *освоения* человеком окружающего мира.

Индуктивная экстраполяция успешного опыта вовне сопровождается и экстраполяцией познавательного опыта, в том числе привычных схем познавательного поведения, инструментов познания – понятийно-категориального аппарата, гипотез. Гипотезы, как привычный инструмент, опробованный алгоритм для выбора определенного направления при исследовании новых ситуаций, повсеместно оправдывают себя в жизни человека. В то же время не следует забывать, что «выход за пределы опыта в известной мере гипотетичен». Приходится постоянно «держать в уме» частично достоверный, рискованный, вероятностный когнитивный статус экстраполиций и гипотез. Опираются на них допустимо лишь с известной оглядкой, осторожностью, в известных рамках и лишь после серьезной практической проверки. *Релятивизм*, как упор на относительность нашего знания, и *скептицизм*, как оценка достоверности достигнутого знания, очевидно, должны в *здоровом масштабе* присутствовать в процессе познания, должны быть отражены в методологии освоения-познания. Не претендуя на исключительность, они должны занять подобающее место в общей расстановке когнитивных сил.

Взаимовлияние и взаимоявление двух миров

В зоне взаимодействия внутреннего и внешнего миров неизбежно происходит их взаимовлияние, взаимоприспособление, взаимная трансформация. В итоге на свет появляется нечто новое, синтетическое.

Осуществляя практически непрерывную экспансию во внешний мир, подчиняя себе все новые внешние и внутренние горизонты, увеличивая масштабы зоны взаимодействия и трансформируя ее качества, люди постоянно видоизменяют среду собственного обитания, к которой потом сами же вынуждены приспосабливаться. В связи с этим следует признать справедливым утверждение М.Бунге: «...человек, изменяя окружающую его обстановку, изменяет самого себя и тем самым создает себя...». Вполне адекватно звучит его определение: «человек – самоприрученное животное».

Часть подчиненных себе предметов внешнего мира человек превращает в средство, способствующее более эффективному дальнейшему освоению. Так рождаются *орудия труда, инструменты*. Разобраны ущербные представления об инструментах с позиций трех основных линий философии. Здоровое учение здесь возможно лишь в русле синтезирующего реализма.

Кант в свое время впервые привлек внимание к проблеме *механизма перехода* из одного из этих миров в другой. Фактически подразумевалось, что зона взаимодействия двух миров представляет собой отнюдь не нечто хаотическое. Она специфически организована, имеет свою непростую структуру, свои особенные свойства и закономерности. В связи с последним возникает догадка о наличии своего рода «шлюзов», через которые могут осуществляться данный переход и взаимная *трансляция* специфических обнаружений одних и тех же событий в двух разных мирах. Выработкой методологии исследования этих «шлюзов», трансляций со всеми их потоковыми и языковыми характеристиками призвана заниматься, очевидно, *третья составляющая* всех наук о человеке, социуме, живом и прочих самоорганизующихся природных образованиях.

Организм в процессе освоения внешнего мира «танцует» от себя-любимого вовне, из центра - в расширяющуюся наружу объемную фигуру своего частного бытия. Такой характер развития не может не наложить соответствующий отпечаток на принципы его отношения к миру и его мировосприятие. Отсюда – неодинаковое отношение живого организма и человека к вещам и событиям, находящимся на разном удалении от него, как от центра. С удалением мотивация постепенно ослабевает. К этому добавляется специфический нелинейный характер центрального силового поля, характеризующийся *законом «обратных квадратов»*.

Неоднородность имманентного силового поля сказывается еще и в существовании «вектора текущего интереса» или «вектора насыщенности». Благодаря этому вектору получают «выделенную» ценность вещи и события, находящиеся «на острие» или в секторе актуального текущего

между знанием о предмете и самим предметом наступают менее строгие отношения встречного *гомоморфизма*, которые разными учеными было предложено называть «*гетероморфизмом*» или «*метаморфизмом*».

У любого следа есть *субъективное* и *объективное* содержание, внутренне слагающий и внешне спровоцированный компоненты. Делается акцент на некорректности учений, абсолютизирующих лишь один из компонентов.

В итоге становится очевидной важность трех «китов» познания: объективного отражения, субъективного конструирования и прагматической коррекции. Все это слагаемые познания как *прагматического реконструирования*. Это фактически синтез когнитивных представлений объективизма, субъективизма и прагматизма. И завершается каждый локальный акт познания закреплением и узакониванием (психической канонизацией) достигнутого знания в виде квазиустойчивых структур в практике и познании, скрепленных посредством *прагматической веры*.

МНОГОГРАННЫЙ МОНИЗМ ПРОТИВ КОГНИТИВНОГО РЕЛЯТИВИЗМА

(полностью см. по адресу: <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-354.phtml>)

Недоразвитость прежнего материализма неизбежно привела к ситуации, когда частные науки, лишённые здоровой материалистической мировоззренческой платформы и методологии, подверглись пагубному влиянию со стороны конкурирующих тенденциозных философий.

Эпоха бурного технологического развития человечества в XX веке, кроме прочего, обнаружила неподготовленность философии в части проработки общей когнитивной методологии. В этих условиях смелые экспериментальные вторжения в область неизведанного и поспешно-поверхностные теоретические интерпретации обнаруженного материала создали в ряде наук, прежде всего в физике, иллюзию зависимости наблюдаемой реальности от исходной позиции, инструментария и познавательной установки исследователя. Была возвышена особая разновидность эмпиризма – *когнитивный релятивизм*, абсолютизирующий итоги каждого частного наблюдения. С ростом количества частных наблюдений неизбежно возникла проблема множественности конкурирующих, не связанных друг с другом представлений об одних и тех же вещах. Такой хаос представлений стал особенно характерен для современной эпохи постмодернизма – периода необузданного разгула философского плюрализма. Философия *синтезирующего реализма* отвечает

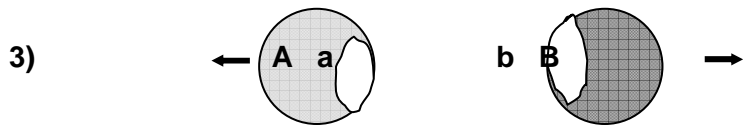

Рис.4

На Рис.4 кругами изображены осваивающий и познающий человек **A** и осваиваемый предмет **B**: 1) до акта взаимодействия; 2) во время акта взаимодействия; 3) после акта взаимодействия.

Здесь наглядно показано, что в акт непосредственного взаимодействия вступают фактически не целые **A** и **B**, а их определенные обращенные друг к другу области, которые во время акта взаимодействия вместе образуют *зону контакта C*. После акта взаимодействия в каждом из них остается *след контакта (a и b)*.

В случае когнитивного исследования, направленного на человека, его след **b** во внешнем предмете **B** позволяет получить о нем, о его природе определенное внешнее представление, которое и исследуется во множестве наук.

Далее, именно та часть внешнего тела, что попала в зону контакта **C** и отложила свой след **a** в сенсорной системе человека, становится объектом его освоения-познания. Это именно акцентированный Кантом *феномен*, служащий базой для когнитивного исследования. Памятуя о прагматической подчиненности процесса познания, можно также смело называть это *«вещь для нас»*. Остальная часть внешнего предмета **B** остается за рамками данного акта освоения-познания, так что в целом весь предмет **B** вполне можно охарактеризовать кантовским же термином *«вещь-сама по себе»* или *«ноумен»*.

Из диаграммы видно, что в сферу познания попадает лишь та часть субъективной природы человека, что объективируется (*экзистенцируется*) в акте взаимодействия, и лишь та часть природы внешнего образования, что субъективируется (*осваивается*) в этом акте.

Следующий важный вывод: человек фактически исследует не сам внешний предмет **B** и даже не часть его, попадающую в зону контакта (**Bc**), а именно и только след **a**, оставленный этим предметом в его собственных сенсорах.

Точно так же ученые, изучающие человека, исследуют не его трансцендентальную сущность или попадающую в зону контакта часть ее, а именно следы, оставляемые человеком во внешних телах.

Области **a** и **b** характеризуются отношениями *изоморфизма*. После того, как след **a** подвергнется обработке образно-логическим мышлением,

интереса живого организма и человека. Туда же оказываются в итоге ориентированы и основные усилия и действия.

Вследствие вышеизложенного считаем онтологически обоснованной трактовку эгоизма, эгоцентризма и экспансии как неотъемлемых «полевых» атрибутов развивающейся человеческой природы. Теперь во всех дальнейших исследованиях следует учитывать специфический *центробежный* характер освоения и познания человеком окружающего внешнего мира, в условиях непрерывно расширяющейся вовне экзистенции. Одновременно придется «держать в уме» и *центростремительный* характер покорения-приспособления-познания внешних предметов в процессе освоения.

Соседство и взаимопересечение двух силовых метрик накладывает неповторимый отпечаток на ареал обитания человека. Человек практически всегда находится на «силовом распутье»: он должен осуществлять свой выбор в пользу того или иного поля. Все просто, когда направленность векторов двух полей совпадает. В этом случае, работая на внешнее (например, общественное) поле, человек получает выгоду и для себя. Но в общем случае эти вектора имеют разную ориентацию, так что в реальности возникают как совпадающие, так и расходящиеся их проекции. Вот и получается, что человек далеко не всегда совершает действия, ожидаемые от него внешним окружением, например, обществом. Личный интерес на поверку оказывается сильнее прочих. Вот почему, в частности, бесперспективны попытки «искоренить» коррупцию. Вот почему «не срабатывают» одиозные социалистические идеи, отрицающие доминанту личностного начала.

Человек постоянно живет в окружении других людей, каждый из которых формирует свое личностное силовое поле. Последнее, благодаря своей центральной локализации и нелинейности напоминает «воронку» на ровной водной глади. В основе существования любой устойчивой социальной общности также лежит свой детерминирующий вихрь, который формирует свой внутренний мир этой общности, ее особое центральное силовое поле. В итоге получается, что «человек социальный» оказывается окружен множеством силовых полей-воронок разного масштаба и разной интенсивности-глубины. Таким образом, метрику ареала его существования в наиболее общем случае следует признать *многомерной*. Практика бытия в таком сложном окружении обучает человека ловко лавировать во множестве полей-воронок, постоянно осуществляя выбор, в какое из них следует «погрузиться» и на какую «глубину». В часть полей он, впрочем, оказывается погружен вынужденно, по семейному, родственному, гражданскому долгу. В выборе других полей он имеет ту или иную свободу. Так или иначе, следует признать, что изложенная «многовороночная»

геометрия мира частного бытия «человека социального» неплохо отражает нашу повседневную реальность.

СЭР ИСААК НЬЮТОН И ТРИ ЗАКОНА ДЕТЕРМИНИЗМА

(полностью см. по адресу: <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-345.phtml> или <http://www.wbabin.net/physics/kalmykov4r.pdf>)

В предисловии к Первому изданию своих знаменитых «Математических начал натуральной философии» гениальный физик сэра Исаак Ньютон писал, в частности, о том, что было бы желательно распространить стройные начала механики на остальные явления природы. С тех пор было несколько попыток отметить некоторые определенные аналогии с механикой в ряде отдельных наук. Однако в широком аспекте пожелание сэра Ньютона осталось нереализованным.

Сегодня, с появлением концепции *кольцевого детерминизма*, мы, наконец, имеем возможность обобщить идеи механики Ньютона на самый широкий круг явлений.

Начнем с Первого закона Ньютона. Напомним его суть: при отсутствии внешних воздействий отдельное материальное тело *остается в состоянии покоя либо продолжает собственное равномерное и прямолинейное движение по инерции*. Первый закон Ньютона называют еще «законом инерции». А что такое **инерция**? Это, по сути дела, величина, характеризующая способность тела к **сохранению** исходных параметров **собственного движения**.

Формула Второго закона Ньютона выглядит так: $F = m \cdot a$, где F – величина внешней силы, m – величина инертной массы, a – величина ускорения тела.

Если переписать эту формулу в следующем виде: $a = F / m$, то становится очевидно, что чем больше инертная масса тела, тем большее внешнее усилие следует приложить, чтобы вызвать одно и то же его ускорение. Фактически инертная масса здесь выступает, как мера **собственного внутреннего сопротивления** тела внешнему силовому воздействию.

В Третьем законе Ньютона речь идет о том, что всякое внешнее воздействие на тело вызывает с его стороны равное противоположное противодействие. Другими словами, всякому отдельному телу всегда есть чем адекватно **«ответить»** на внешнее воздействие.

Следует обратить внимание на тот факт, что в этих законах довольно прозрачно подразумевается присутствие в каждом отдельном материальном теле некоего особого **собственного внутреннего детерминирующего**

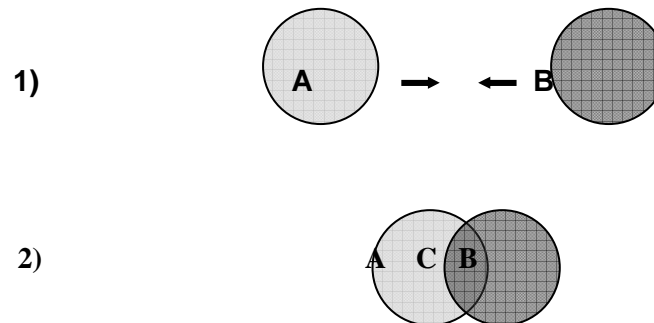
рассуждений известных мыслителей и даже открыть свой, пока никем не описанный вариант. Словом, ручной труд уступает место конвейеру.

Начало этому систематическому упорядочиванию уже положено в нашей брошюре «Анатомия свободы». [Калмыков Р.Б. Анатомия свободы. Иваново. Изд-во Ив.гос.ун-та.1995, или на сайте: <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-336.phtml>]. Остается собрать все известные на сегодняшний день нюансы трактовки свободы воли и в соответствующем порядке воссоединить их на единой схеме. Когда конструктивное ядро каждой частной трактовки из всего этого множества займет подобающее место в монолитной конструкции, базирующейся на фундаменте кольцевого детерминизма, свобода воли предстанет перед нами во всем великолепии своего единства и систематическом богатстве своих нюансов.

ПРИЧИННЫЕ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОГНИТИВНОЙ СИТУАЦИИ В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ «СИНТЕЗИРУЮЩЕГО РЕАЛИЗМА»

(См.: Калмыков Р.Б. Причинные и онтологические основания когнитивной ситуации в свете философии «синтезирующего реализма»./ Актуальные проблемы современной когнитивной науки (Материалы международной научно-практической конференции 16-17 октября 2008г.), Иваново, 2008, С.103-106
Интернет-версия <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-355.phtml>)

Учитывая факт взаимной причинной автономии каждого отдельного природного образования, в том числе и человека, и признавая *познание* составной частью прагматического процесса *освоения* человеком предметов внешнего мира, можно изобразить ситуацию когнитивного взаимодействия с помощью логических диаграмм Венна.

поэтому есть основания говорить об ограниченных рамках, специфических условиях или даже разрешенных путях осуществления *относительно свободной воли*.

Свобода воли и подсистемы человеческого организма

Все выглядит достаточно просто, пока рассматриваешь человеческий организм как некую неразделимую целостность. Однако в реальности в рамках организма функционирует целый ряд подсистем, обладающих определенной функциональной автономией и замкнутостью: кровеносная, нервно-гуморальная, трофическая, дыхательная, выделительная, защитная и пр. Сюда же следует отнести и психику, и сознание. В основе функциональной обособленности и автономии каждой такой подсистемы лежит факт физического существования в недрах организма соответствующего замкнутого причинного цикла. Так что наряду с целостным детерминизмом человека на этом поле действуют частные детерминизмы подсистем.

Здесь философия должна сделать следующий шаг по пути детализации знания: рассматривать организм человека как комплекс материальных подсистем, управляемый сложной системой «приводов». Такое дробление детерминизма способно запутать кого угодно. Отдельные авторы давно делали попытки описать проблему «свободной воли» с частной позиции отдельно взятых подсистем, актуализируя какой-либо один из «приводов». Как результат имеем сегодняшнюю крайне запутанную ситуацию.

Причинная автономия каждой из подсистем обеспечивает для нее определенную локальную свободу. Особенно ярко эта свобода высвечивается, когда стимул данной подсистемы оказывается сильнее остальных стимулов. Например, когда психическое или сознательное начало берет верх над физиологией. При этом рождается иллюзия полной свободы психики или сознания. В частности, это характерно для популярных восточных психотехник. На самом деле эта свобода всегда ограничена и скоротечна, ибо суммарный действующий стимул организма в обыденное время являет собой комплексное и изменяющееся начало.

Теория кольцевого детерминизма позволяет разобраться в этой ситуации с системной упорядоченностью и математической точностью. Зная все подсистемы организма, нетрудно вычислить общее количество возможных вариантов свободы воли и детально описать каждый из них. Фактически речь идет о вскрытии механизма образования разных философских трактовок свободы воли. Теперь можно не читать мудреные объемистые «талмуды» чудаковатых авторов: суть их учений легко отобразить на простой схеме. Каждый сможет без труда повторить ход

механического начала, которое демонстрирует способность к **самосохранению и сопротивлению** внешним механическим воздействиям. До сегодняшнего времени объяснить феномен присутствия в каждом отдельном теле такого особого внутреннего детерминирующего начала пыталась лишь *телеология*. В рамках материализма объяснения этому не было.

Сегодня, с появлением концепции *кольцевого детерминизма*, становится возможным дать этому строгое научное объяснение и обобщить этот феномен на более широкий круг явлений. Концепция кольцевого детерминизма утверждает, что в случае случайного или намеренного замыкания концов участка какой-либо причинной сети и генерации замкнутого причинного контура может получиться новое устойчивое или квазиустойчивое природное формирование с непрерывно циркулирующим внутри него специфическим внутренним детерминирующим потоком. Идея состоит в том, что наличие этого непрерывного внутреннего потока ведет к порождению **нового детерминирующего начала**, которое позволяет новому формированию не только утвердить себя в качестве отдельного природного фактора с набором особых собственных свойств, но и противопоставить себя остальному миру и всевозможным внешним воздействиям в вещественном, энергетическом, силовом, информационном и иных аспектах.

Инерция является примером лишь *механического* проявления внутреннего детерминирующего начала. В общем случае проявления этого начала могут быть весьма многообразны. Это касается сферы электромагнитных явлений, феноменов и процессов в биологии, антропологии, политике, социологии, педагогике и прочих сферах. Но во всех случаях справедлив отмеченный сэром Ньютоном набор правил, который можно обобщить в виде **трех** следующих **законов детерминизма**.

Первый закон детерминизма: при отсутствии внешних воздействий отдельное природное формирование сохраняет неизменность своего состояния либо продолжает собственное движение, функционирование, поведение, развитие под влиянием собственного внутреннего детерминирующего начала.

Второй закон детерминизма: чем сильнее (мощнее, выпуклее) представлено (развито, выражено) в отдельном природном формировании собственное внутреннее детерминирующее начало, тем большее внешнее усилие требуется к нему приложить, чтобы вызвать в нем (его движении, бытии, поведении, развитии) требуемые изменения.

Третий закон детерминизма: любое внешнее воздействие на отдельное природное формирование вызывает с его стороны соответствующий обратный ответ, противодействие, во всяком случае, до тех пор, пока оно сохраняет свою структурную и функциональную целостность. Понятно, что этот ответ организуется, осуществляется и

направляется именно собственным внутренним детерминирующим началом изнутри отдельного тела.

Под отдельным природным формированием следует подразумевать самый широкий спектр окружающих нас вещей, в том числе и таких экзотических, как временные социальные коллективы, масштабные атмосферные образования, компьютерные программные продукты, психологические установки и прочее.

Итак, обобщение позитивного опыта сэра Ньютона на самые широкие области нашего бытия дает возможность повсеместно внести конструктивное упорядочивающее начало. Попутно получает необходимое развитие и общая теория детерминизма.

АСПЕКТЫ ЧАСТНОГО БЫТИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО АВТОНОМНЫХ ПРИРОДНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

(полностью см. по адресу: Философия.ру. Библиотека философии и религии <http://filosofia.ru/76425/> или <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-339.phtml>)

Окружающий нас мир, согласно нашим наблюдениям, существует в виде множества отдельных, рассеянных в пространстве, квазиустойчивых материальных образований, развивающихся в соответствии со своими особыми внутренними закономерностями и способных вступать друг с другом в различного рода взаимодействия. Принятие на вооружение принципа кольцевого детерминизма позволяет нам вполне аргументированно вести речь об относительной автономии их существования, развития и движения. Впервые у нас имеются полные онтологические основания для фундаментального разговора о проблемах их *частного бытия*.

Представление о взаимной причинной автономии отдельного природного образования и внешнего по отношению к нему мира неизбежно способствует возникновению онтологического, а вслед за ним и глобально философского *параллелизма*. В самом деле, появляются оправданные основания рассматривать две эти автономные сущности в качестве самостоятельно развивающихся составных частей одного материального мира.

С позиций расширенного детерминизма рассматриваются некоторые «узкие» места в учении диалектического материализма. В частности, отмечается, что широко употреблявшиеся в последний период развития диамата понятия «материальной системы» и «субъективности» никак не

Такое системное представление о свободе воли стало возможным благодаря появлению теории *кольцевого детерминизма* [1]. Основное положение этой концепции состоит в том, что в связи с существованием любого отдельного материального предмета Природа разделяется на две равноправные в онтологическом отношении автономные части, на два физических под-мира, обладающих своим особым детерминизмом (внутренним кольцевым детерминизмом предмета и обычным детерминизмом внешнего мира).

Благодаря особому виду внутреннего детерминизма предмет может обладать особыми свойствами, не представленными в окружающем мире. С особенной силой это касается живого организма, который обладает свойством гомеостазиса и может демонстрировать активность по отношению к остальному миру.

Такие феномены, как воля, психика, разум, сознание, дух – это и есть особые свойства организма человека, которые смогли возникнуть благодаря существованию и развитию внутреннего детерминизма. Причинная и, как следствие, *физическая* автономия организма человека по отношению к внешнему миру обеспечивает такую же автономию и для указанных феноменов. Здесь корень независимости воли, разума и духа от внешнего мира. Можно сказать, что организм человека – это тот материальный плацдарм, с которого его воля и дух ведут атаку на внешний мир. Если бы философия *дуализма* знала об этом, эти феномены не «висели» бы у нее так беспомощно в воздухе.

Автономия двух указанных физических миров, конечно же, не абсолютна. Миров взаимодействуют друг с другом и обмениваются влияниями, детерминируют друг друга. Поэтому следует признать, что любой отдельный предмет существует в условиях *бикаузального* мира, находится под комплексным воздействием и контролем двух миров и двух детерминизмов [2]. Можно сказать, что у организма (и всех его особых феноменов!) существует два «привода». Поэтому в итоге организм и его особые свойства являются «слугами двух господ» и подчиняются комплексу (ученые скажут – алгебраической сумме) стимулов с двух этих сторон.

В случае, когда внутренний и внешний стимулы направлены в противоположные стороны (например, корысть диктует «возьми!», а общественная мораль требует «отдай!»), побеждает более сильный из них. В других случаях имеет место их сложное переплетение.

В свете вышесказанного проблема свободы воли предстает как проблема масштаба и границ произвола внутреннего детерминирующего начала организма по отношению к внешнему детерминирующему началу. О свободе воли особенно громко говорят в случаях, когда внутренние стимулы значительно сильнее внешних. Очевидно, что в общем случае, когда стимулы сложно переплетены, эти масштаб и границы всегда относительны,

Рис.3. Схема цепи причинения:

- А) исходный фрагмент поступательной цепи причинения;
- В) замкнувшийся на себя участок цепи причинения.

Внутреннее локальное причинное действие, непрерывно циркулируя внутри отдельного тела, передаваясь последовательно от элемента к элементу, обеспечивает его системную целостность, синергетическую целостность в функционировании его элементов и подсистем, эмерджентность, особые внутренние цель и политику, сопротивляемость внешним воздействиям, направленную вовне агрессию, эгоизм, эгоцентризм, самосохранение, самоорганизацию и, наконец, *саморазвитие*.

Один из принципиальных выводов кольцевого детерминизма состоит в том, что под контролем непрерывно циркулирующей внутри тела внутренней причины и под непрерывным давлением со стороны внешних факторов как раз и происходит *чудо саморазвития*, приводящее к возникновению наблюдаемого многообразия удивительных свойств предметов, организмов, плодов рук человеческих и его разума, социальных агрегатов и прочего. Так что теперь незачем апеллировать к иррациональным фантазиям.

О СВОБОДЕ ВОЛИ С СИСТЕМНОЙ ТОЧНОСТЬЮ

(полностью см. по адресу: <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-347.phtml>)

Надоело читать многочисленные тенденциозные сентенции о свободе воли. Хотя почти все авторы по-своему правы. В том смысле, что каждый из их взглядов по большому счету имеет право на жизнь, поскольку отражает какой-то маленький реальный аспект или нюанс проблемы, но в рамках каких-то особых частных случаев и условий. Однако ни один из авторов не определяет и даже не акцентирует эти особые рамки. Поэтому складывается впечатление, что каждый автор стремится распространить свое узкое частное видение на весь предмет и на весь мир. В результате вместо единого адекватного научного представления о свободе воли мы имеем большой набор однобоких представлений.

Очевидно, нужна научная концепция, которая суммировала бы все однобокие представления и предполагала бы для каждого обнаруженного частного случая свое особое место, подходящую нишу в общей системе с четким указанием всех соответствующих условий и ограничений.

вяжутся с онтологией этого учения, последняя их отторгает как чужеродные элементы.

Выяснилось также, что отцы диамата пытались строить систему, закладывая в ее основу догму о первичности материи по отношению к сознанию (так называемое материалистическое решение основного вопроса философии), хотя, по здравому соображению, это соотношение должно бы, наоборот, вытекать из системы, как следствие. Гносеология может строить свою систему только на основе онтологии, на основе исследования имманентных законов существования и развития материи, при этом онтология служит тем теоретическим фундаментом, на котором строит свою систему гносеология. В диалектическом же материализме все сделано в точности наоборот. Здесь онтология, если выразиться языком его отцов-основателей, оказывается *вторичной* по отношению к одиозной изначальной гносеологической установке.

Нонсенсом является факт, что в диамате отсутствует, как таковой, *субъект частного бытия*. Однако при этом присутствует во всей красе *субъект частного познания*. Последний, таким образом, представляет собой некий загадочно-абстрактный «познающий дух-фантом», непонятно где витающий или мятущийся, не привязанный ни к чему определенному в онтологии.

Правда, была в истории диамата (в работах Ойзермана Т.И. и Ильенкова Э.В.) попытка убежать от субъекта *частного* познания к субъекту *всеобщего* познания. Подразумевалось, что Материя сама себя познает через посредство людей. Однако тут настолько явно проглядывал трудно совместимый с материализмом *панпсихизм*, что идея, к счастью, не смогла найти директивной поддержки у диаматовского начальства.

Далее, подвергнуты критике принятые в диамате основополагающие определения материи: субстанциальное и эмпирическое. Несмотря на активное жонглирование термином "единство материи в многообразии", в рамках субстанциальной концепции нет ясности в вопросе соотношения материи и единичной вещи. В диаматовской модели материи нет факторов-носителей индивидуального своеобразие и многообразия, отсутствует онтологическая "привязка" соответствующих категорий. Отсюда, кстати, и уничижительная трактовка отдельной вещи и индивидуума, каждый из которых "не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему".

Суть различных вариаций «эмпирического» определения можно свести к следующему: *мы верим, что нам в наших ощущениях дана материя*. Вот такое «наивное убеждение человечества» в существование объективной природы кладут диалектические материалисты в фундамент своей концепции. Такой вот феноменологический «мостик». Чисто по-житейски тут все понятно. Однако в качестве научной аксиомы такое определение никак не подходит, поскольку являет собой скорее теорему с

несколькими неизвестными. Эти неизвестные – «мы», «наша вера», «наши ощущения» и «нам дана».

Определение явно опосредовано откровенно субъективным началом. Присутствие в изначальном определении материи целого ряда субъективистских понятий побуждает с ужасом подозревать об их еще более изначальной фундаментальности. Использование веры в качестве аргумента «за материю» тоже настораживает, поскольку известно общее негативное отношение диаматовцев к аспектам веры. В их арсенале есть еще один аргумент: «опыт создает наше убеждение в том, что вещи, мир, среда существуют независимо от нас». Однако опыт на самом деле может лишь *наталкивать* на вывод, побуждать к нему, а делает вывод (принимает решение совершить данный мыслительно-волевой акт) сам человек. Другой человек, надо заметить, в данной ситуации может сделать для себя вывод, что всё это не более чем модусы божественного начала, а какой-нибудь шизофреник может таких выводов понаделать, что нормальному человеку просто и не понять.

Что касается такого особого свойства «нас», как «наши ощущения», то оно вместе с «нами» тоже ясно не определено. Толком не прояснен механизм его работы, его связь со свойствами реальных предметов, с одной стороны, и связь с «нашими восприятиями-представлениями» с другой. Поэтому неясно, каким образом, в итоге какого конкретного *процесса* в мире нашего внутреннего переживания *рождается* представление о том или ином внешнем предмете или материальном мире в целом. В диамате этот процесс отсутствует как таковой: согласно «теории отражения», образ-представление возникает в сознании сразу в готовом виде и как бы автоматически, сам собой, как чертик из коробочки. *А ведь это совсем не так.* Точнее будет сказать, что нужные ощущения бывают *взяты*, иногда весьма активно, с преодолением трудностей *добыты* нами, теми или иными *конкретными людьми*, в итоге определенной *целенаправленной деятельности*, при определенных сопутствующих обстоятельствах. Затем эти ощущения проходят стадию *обработки* образно-логическим мышлением, стадию «*прописки*» во внутреннем мире человека.

В известную историческую эпоху диамат, по-видимому, являл собой нечто прогрессивное на фоне тогдашнего засилья *метафизики*. Но фактически он представляет собой шараханье в иную от метафизики крайность – безраздельную, разнузданную *диалектику*, что тоже ничего хорошего не таит, ибо сопряжено с гипертрофированием элемента изменчивости, текучести, динамичности в ущерб элементу устойчивости, стабильности, статичности. Оба элемента слишком важны для нас, играют слишком важную фундаментальную роль, чтобы можно было хотя бы одним из них пренебречь. Сегодня вполне очевидна пагубность подобных шараханий: "...устойчивость играет фундаментальную роль в объективном

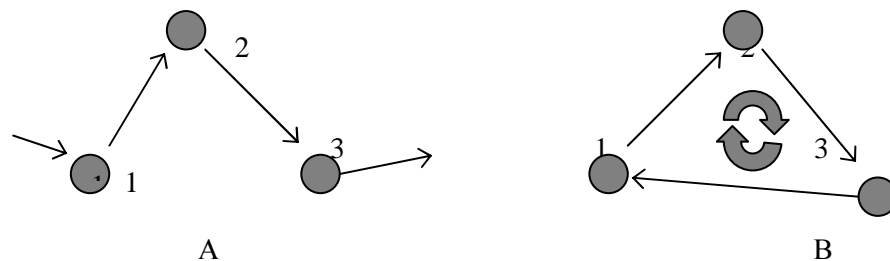
частицы. И если мы хотим определить какую-либо сложную ее характеристику, требующую *двух или более актов измерения*, мы сталкиваемся с непреодолимой проблемой.

Получается, что точная фиксация траектории и ряда других вещей из жизни микромира, требующих измерения *определенных наборов параметров* микрочастиц, становится для нас, представителей макромира, *принципиально невозможной*. Данная проблема (которую следует с материалистических позиций трактовать как *проблему «последующего измерительного взаимодействия»*) нашла отражение в «принципе неопределенности» Гейзенберга, однако интерпретируется она пока, к сожалению, на чисто описательном *кинематическом* уровне, без углубления в причинно-объяснительные динамические основы в соответствии с общей *эмпирико-скептической* мировоззренческой традицией, довлеющей ныне в физике микромира

ИДЕЯ БОГА ОТНЫНЕ НЕАКТУАЛЬНА

(полностью см. по адресу: <http://www.globalfolio.net/main/CMpro-v-p-340.phtml> или <http://www.wbabin.net/physics/kalmykov5r.pdf>)

Даже в мире науки сегодня есть еще те, кого к идее Бога приводит изумление перед изощренной сложностью окружающего мира и отсутствие ответа на вопрос: как все это удивительное многообразие предметов и существ в принципе могло образоваться и как оно может поддерживать свое квазистабильное состояние и даже демонстрировать развитие. Прежний детерминизм не давал вразумительного ответа на эти вопросы. Это смог сделать только кольцевой детерминизм. Имманентный замкнутый причинный контур как раз и является тем онтологическим фундаментом, благодаря которому каждое отдельное природное образование обнаруживает и сохраняет свою исключительную индивидуальность, утверждает себя в качестве "causa sui" – причины самой себя.

Если понимать под «отражением» *след*, оставляемый в результате происшедшего *контакта* одним материальным образованием в другом, то, в принципе, можно признать это (способность к взаимному следообразованию) всеобщим свойством отдельных контактирующих друг с другом материальных образований. Важно при этом отметить, что *след, являющийся итогом происшедшего акта взаимодействия*, соответственно, и свойствами своими обязан *обеим* участвовавшим во взаимодействии *сторонам*. Есть основания полагать, что материалисты понимают под «отражением» лишь свойства, инициированные одной из сторон, исследуемым предметом. В таком случае «отражение» следует признать весьма специальным понятием, имеющим отношение к сугубо локальному аспекту ситуации, а не к ситуации в целом. Для адекватной полноты отображения акта взаимодействия, области контакта и полученного в итоге следа примитивной концепции «отражения» недостаточно. След, остающийся в каждом образовании после акта взаимодействия, нельзя признать результатом одностороннего воздействия одного образования на другое. Это вовсе не след внешнего тела, а именно *след акта взаимодействия*, и в его формировании принимают участие обе стороны. Таким образом, у любого следа есть *субъективное* и *объективное* содержание, внутренний и внешний компоненты. Вычленив в следе чисто внутреннее или чисто внешнее содержание невозможно ввиду их тесного взаимопроникновения. Об их присутствии можно только догадываться и выносить косвенные суждения. В связи с этим сразу становится очевидной некорректность «теории отражения», фактически абсолютизирующей объективное содержание следа.

Следует подчеркнуть, что *познание базируется именно на исследовании совокупности следов от взаимодействий с образованиями, слагающими среду обитания человека*.

Любопытная ситуация, в этой связи, сложилась в настоящее время в физике микромира, где любая попытка измерения параметров той или иной микрочастицы сопряжена с актом ее взаимодействия с другими микрочастицами, движение которых контролируется экспериментатором. В итоге акта взаимодействия получается, что обе частицы (и исследуемая, и измеряющая) оставляют друг в друге *взаимные следы*. Нас в данном случае интересует ситуация, когда в качестве следа выступают определенные *искажения исходного движения*. Что касается искажения движения измеряющей частицы, то оно используется-определяется исследователем в соответствующем приборе, из чего делается косвенный вывод о той или иной характеристике (массе, координате, скорости, импульсе, энергии, заряде, спине и т.д.) исследуемой частицы. Такая вот методика. Все бы хорошо, но, как ни досадно, первый же акт подобного измерения (измеряющего взаимодействия) искажает исходное движение исследуемой

мире, являясь общеонтологическим основанием всякого рода упорядоченности, структурности, организованности материи. Благодаря организованности, определенности, оформленности объективная реальность становится доступной рациональному познанию». Совершенно очевидно, что здоровая философия в наше не столь воинственное время должна быть лишена подобных вопиющих перекосов.

Бескомпромиссно-строгое следование концепции *единой материи-субстанции* и *принципу всеобщей взаимосвязи предметов и явлений*, проповедуемым традиционным материализмом, приводит к абсурдным выводам.

В рамках такого представления получается: чтобы привести в движение одно тело, вследствие всеобщей взаимосвязи придется приводить в движение не только связанные с ним ближайшие тела, но и, через посредство их связей с более дальними, а тех с еще более дальними, вообще весь континуум слагающих природу тел и прочих образований, то есть всю единую материю-субстанцию разом! Вывод: какое-либо локальное частное движение в такой субстанции просто не может возникнуть, двигаться может только вся материя как целое. А куда ей двигаться, если она и так заполняет все субстанциальное пространство? Значит, вообще не может быть никакого движения. Об этом, между прочим, довольно основательно порассуждали еще древние греки. В наше время весьма трезвые мысли по этому поводу высказывали Рубинштейн С.Л., Чусовитин А.Г., Украинцев Б.С., Акулов В.Л., Петрушенко Л.А. Некоторые из них цитируются в работе. В частности, приводится следующее соображение Чусовитина А.Г.: «При наличии связи всего со всем невозможны процессы движения и развития. Требуется элемент закрытости систем. Обособленность, изоляция, автономность объектов – фундаментальное свойство наряду с взаимодействием» [14, С.45]. Таким образом, требуется иное модельное представление о мире, предусматривающее тот факт, что «объекты не только взаимосвязаны между собой, но и обособлены друг от друга» [Там же, С.71].

Вслед за Беркли и Локком подчеркнем, что бытие материи, субстанции или всего вообще внешнего мира – это чистая абстракция, такая же, как и сами эти понятия. Материя, субстанция, внешний мир – это не более чем продукты нашего логического мышления, фактически синонимы понятия «ничто» - самого общего человеческого понятия обо всем существующем. «Нечто» – удобное для человека понятийное обозначение, в отношении которого более нельзя сказать ничего конкретного и определенного.

Поскольку мы ничего не можем сказать конкретного и определенного о всеобщем бытии материи-субстанции, то в качестве темы обсуждения оно теряет для нас всякий смысл. Это сфера стопроцентно

гипотетическая, и потому может являться местом приложения сил разве что писателей-фантастов.

Что же касается реальных качеств и свойств включающего нас участка этого мира, о которых мы можем судить по нашим ощущениям, то все они имеют отношение к частному бытию тех или иных конкретных относительно автономных материальных образований и их комплексно-систем. То есть, любое обнаруживаемое нами свойство или качество есть свойство или качество того или иного конкретного материального образования или комплекса-системы таких образований. Нет ни одного конкретного свойства или качества, которое можно было бы отнести ко всей необъятной материи-субстанции.

В связи с вышесказанным, недопустимо вести речь и о наличии какого-либо *элемента системного единства* в масштабе всей материи-субстанции-Вселенной-универсума. Человеку под силу обнаружить элемент системного единства лишь в непосредственно окружающем его опытным, эмпирически обнаруживаемом мире, в подвластном потенциальному освоению участке материального универсума. При этом следует отметить, что любой такой обнаруживаемый элемент имеет непосредственное отношение к тому или иному конкретному материальному образованию или комплексу образований. Это и понятно: системность есть неотъемлемый спутник феномена самоорганизации, который присутствует во всех отдельных материальных образованиях и их актуальном природном окружении. Можно сказать больше: *нет проявлений организации и системности самих по себе*, это всегда внутренние или внешние порождения в рамках конкретных относительно автономных самоорганизующихся (обладающих элементом самоорганизации) материальных образований.

Ситуация с двумя детерминизмами неизбежно порождает *биметрическую* картину частного существования-бытия, требующую для своей корректной интерпретации согласованного использования двух разных методологий исследования, двух параллельных научных дисциплин. Речь идет о чем-то вроде шеллинговского "параллелизма" натурфилософии и трансцендентальной философии.

Теперь появились реальные онтологические основания под учением Канта о том, что человек живет в двух мирах. Он сам себе феномен и, в то же время, ноумен. В частном бытии и поведении человека реализуется связь между двумя соответствующими характерами.

Человеку вся эта ситуация видится прежде всего *изнутри сферы* своего частного материального бытия, еще до того, как он осмысливает сравнительные детерминистические свойства этой сферы и сферы бытия внешнего природного окружения, свое реальное место в онтологии мира. Можно сказать еще более точно: человек исследует себя и внешний мир,

глядя из компактного мира своего образно-логического мышления. Именно этот мир является наипервейшей отправной точкой процесса концентрического расширения человеческого познания. Вполне оправданной, поэтому, следует признать попытку Декарта положить констатацию способности мышления во главу философской системы.

Следует вести речь не о полной автономии, обособленности отдельного материального образования от внешнего по отношению к нему мира, а лишь о *частичной, относительной* представленности данного свойства. На данное обстоятельство обращали дотошное внимание цитировавшиеся М.Бунге и Б.С.Украинцев. Отдельное образование, таким образом, имеет элемент независимости по отношению к внешнему миру, и здесь мы радикально расходимся с ортодоксальными материалистами, считающими всякую отдельную вещь (в том числе организм и человека с его сознанием) слепой функцией окружающей среды, лишенным частно-бытийной свободы и активности послушным «винтиком» материи. Но в то же время любое такое образование даже при условии крайней своей системной закрытости остается связанным с остальным миром определенными узами-связями-зависимостями, наличие которых заставляет нас признавать элемент бытийного единства этого образования с матерью-природой, элемент зависимости от той *части природы*, которую мы называем *внешним миром*. И здесь уже мы решительно расходимся с теми философскими школами, которые настаивают на самодостаточности, замкнутости внутреннего мира бытия отдельных предметов, организмов, человека в целом, его психики или сознания.

Сношения отдельного материального образования с внешним миром происходят в результате *бинарного взаимодействия*, методология которого требует детальной разработки. Предлагается вариант такой методологии, включающий представления о *зоне контакта, входах и выходах, шлюзах, проблемах перехода* из одного мира в другой.

Далее приводится авторский анализ драматической истории с поиском диаматовцами по заданию Ленина якобы присущего материи свойства отражения. По-видимому, Ленин понимал, что разговоры о специфических свойствах сознания неизбежно должны будут привести диаматовцев к обсуждению специфики частного бытия его носителя – человека. Чтобы избежать этой угрозы, Ленин постарался запутать ситуацию посредством отрыва сознания от человека и «размазывания» его по всей материи-субстанции. Однако напрямую натягивать на всю материю свойство сознания он не решился («нелогично объявлять всю материю сознательной»), так как это сразу привело бы к панпсихизму. Фактически он предпочел оригинальный вариант *неогилозоизма*, предусматривающий, что сознание человека – это лишь частное, «местное» проявление некоего «всеобщего» свойства материи.